

**РУС
СКАЯ
ПРАВ
ДА**

**ВЛАДИСЛАВ
ШВЕД**

КАТЪНЬ

**СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИЯ ВОПРОСА**

Владислав Николаевич Швед

Катынь. Современная история вопроса

Серия «Русская правда»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376290

*Катынь. Современная история вопроса / Владислав Швед: Алгоритм;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-4438-0037-0

Аннотация

Отношения России с Польшей на протяжении столетий складывались непросто. К сожалению, и сейчас мало в них положительного. Не добавляет позитива и шумиха по Катыни, разразившаяся в канун празднования 65-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, со странной катастрофой польского самолета под Смоленском и путанными заявлениями на высшем уровне. Складывается впечатление, что определенным силам, как в Польше, так и в России, не нужна истина в этом вопросе. Книга публициста-политолога В.Н. Шведа должна способствовать взаимопониманию между Россией и Польшей, налаживанию дружеских отношений русского и польского народов. На основе глубокого анализа архивных документов, свидетельств, касающихся гибели польских военнопленных

на советской территории, автор убедительно доказывает, что окончательную точку в катынском деле ставить преждевременно. Много здесь неясностей, хотя некоторые выводы объективно можно сделать и теперь.

Содержание

От автора	5
Тайны Катыни	15
«Взгляд из Варшавы и Москвы»	20
Выстрелы из прошлого, или Краткая история катынского противостояния	51
Дело Геббельса живет и процветает	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Владислав Николаевич Швед Катынь. Современная история вопроса

*Посвящается моему сыну Николаю и его
сверстникам в надежде, что эта книга облегчит им
поиски исторической истины.*

От автора

Необходимость второй редакции книги **«Тайна Катыни»** была вызвана не только большим интересом к ней, но и событиями, развернувшимися вокруг катынской трагедии в 2010 году, который по праву можно назвать «катынским».

Напомним, что 7 апреля 2010 г. в Катынском лесу состоялась церемония, посвященная 70-ой годовщины катынской трагедии, в которой приняли участие российский премьер Владимир Путин и его польский коллега Дональд Туск. Премьер РФ на пресс-конференции тогда заявил, что ответственность за катынское преступление несет **«сталинское руководство и НКВД»**.

Президент России Дмитрий Медведев, прибыв 18 апреля

2010 г. в Краков на похороны президента Польши Леха Качиньского, отметил, что *«катынская трагедия – это следствие преступления Сталина и ряда его приспешников»*. Как «сенсацию» расценили российские СМИ размещение, по указанию президента Медведева, в конце апреля на сайте Росархива цветных электронных сканов кремлевских документов из «закрытого пакета № 1». Это должно было убедить российскую общественность в обоснованности официальной позиции по катынскому преступлению.

26 ноября 2010 г. Государственная Дума РФ поспешно, практически без обсуждения, приняла заявление *««О Катынской трагедии и ее жертвах»*, в котором констатировала, что *«Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей»*. Эту точку зрения вновь подтвердил президент Медведев во время официального визита в Польшу, состоявшегося 6—7 декабря 2010 г.

Вышеперечисленные события вызвали огромный интерес в российском обществе. Соответственно обострилось противостояние сторонников официальной версии катынского преступления (катыноведов) и независимых исследователей, считающих, что в ходе официального 14-летнего расследования катынской трагедии не были выявлены **истинные виновники расстрела польских офицеров в Катынском лесу, а также не были установлены реальные обстоятельства гибели на территории СССР в период второй**

мировой войны военнопленных и арестованных польских граждан.

Катыноведы, опираясь на административный ресурс, развернули в российских СМИ настоящее наступление на независимых исследователей, обвиняя их в попытках реабилитировать преступления сталинизма. Помимо этого независимым исследователям приписывается научное невежество, историческая безграмотность, ревизионизм, национализм и ксенофобия.

Одним словом, налицо повторение той ситуации, когда в СССР запрещалось сомневаться в том, что катынское преступление совершили *«немецко-фашистские захватчики»*. Современные антисталинисты с успехом применяют сталинские методы подавления «инакомыслия». В дополнение к этому некоторые из катыноведов считают, что в России не мешало бы ввести уголовную ответственность для тех, кто сомневается в официальной версии катынского преступления.

Практика уголовного преследования за пропаганду социалистического прошлого имеет место в Польше и странах Балтии. В нашем случае подобные стремления следует расценивать, как попытку силовым путем поддержать рассыпающуюся под напором объективных фактов официальную версию.

При этом и официальные власти и катыноведы упорно игнорируют факты и свидетельства, подтверждающие ущерб-

ность официальной версии. Вместо этого они потрясают документами из «закрытого пакета № 1», безапелляционно заявляя об их неопровержимости. Однако до сих пор из уст сторонников официальной версии **не прозвучало ни одного аргументированного объяснения многочисленных неточностей, несуразностей и ошибок, присутствующих в этих документах.**

Появление в 2007 г. книги «**Тайна Катыни**» катыноведы также предпочли замолчать. Это весьма симптоматично, потому что в историческом мире принято не замечать только те исследования, против которых недостаточно весомых контраргументов. Что же касается настоящей книги, то в ней учтены критические замечания, высказанные в адрес первой редакции, и существенно расширена документальная база. Исследование «**тайны Катыни**» дорабатывалось с учетом того, чтобы оно могло помочь объективно разобраться в ситуации с катынской трагедией не только российской общественности, но и российскому следствию, если будет принято решение о доследовании Катынского уголовного дела № 159.

Особую весомость выводам об ущербности официальной версии придали результаты исследования профессора МГУ им. Ломоносова, доктора исторических наук Валентина Сахарова. Он исследовал немецкие официальные документы, **касающиеся немецко-польской эксгумации катынских захоронений в 1943 г.**

Анализ документов немецкой тайной полиции, контролировавшей ход эксгумации в Катыни-Козьих горах, переписки Германского Красного Креста, Польского Красного Креста и администрации Польского Генерал-губернаторства за 1943 г. позволил профессору Сахарову убедительно доказать **фальсификационный характер немецко-польской эксгумации** катынских захоронений. Одно это уже позволяет говорить о **Катыни, как о величайшей фальсификации XX века.**

Следует также напомнить заявление депутата Госдумы РФ Виктора Илюхина о том, что в мае 2010 г. к нему обратился человек, заявивший, что он имеет непосредственное отношение к фальсификации записки Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г., являющейся, по заявлениям катынovedов, основным подтверждением вины сталинского руководства за бессудный расстрел военнопленных поляков в 1940 г. Заявитель наглядно продемонстрировал не только способности и возможности фальсифицировать документы сталинского периода, но и предоставил приспособления для совершения этого, а также черновики подложной записки Берии Сталину образца 1992 г.

В свете вышесказанного совершенно по иному воспринимается информация, полученная в 1985 году историком Александром Колесником от бывшего члена сталинского Политбюро Лазаря Кагановича. Тот сообщил, что весной 1940 г. советское руководство приняло трудное **решение о**

согласии на расстрел 3196 (но не 25 700) граждан бывшей Польши: генералов, офицеров, полицейских, чиновников и др., вина которых в совершении военных и уголовных преступлений была доказана. Эта информация впоследствии была подтверждена рядом бывших высокопоставленных деятелей советского периода.

Помимо этого, стали известными факты, подтверждающие **директивный, односторонний подход** при расследовании уголовного дела № 159 **«О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле-мае 1940 г.»** (Катынское дело). Не вызывает сомнений, что катынская тема получит новое развитие **после рассекречивания и обнародования всех 183 томов** уголовного дела № 159 и постановления о его прекращении. Необъективный характер расследования катынского преступления в этом случае станут очевидными.

Однако сегодня в Катынском деле на первый план выходят официальные российские ответы в Европейский суд по правам человека в Страсбурге от 19 марта и 13 октября 2010 г. В этих ответах сообщается, что в ходе 14 летнего российского следствия по уголовному делу № 159 **достоверно подтверждена гибель 1803 польских военнопленных.**

Это фактическое фиаско официальной версии, по которой на сталинское руководство возложена ответственность за **гибель 21 857 польских граждан.** Соответственно, поли-

тические оценки катынского преступления, которые давало российское руководство и Государственная Дума не вполне правомерны.

Ясно одно – **окончательную точку в Катынском деле ставить рано. Никакой административный ресурс не в силах закрыть эту тему, пока в ней будут существовать неясные и спорные вопросы.** В этой связи издание второй редакции книги **«Тайна Катыни»**, раскрывающей многолетние перипетии катынской трагедии, представляется весьма своевременным. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность многочисленной армии российских и иностранных исследователей, активно участвующей в дискуссиях на Интернет-форумах, посвященных катынской теме. Это позволило рассмотреть спорные вопросы не только под углом различных точек зрения, но и ввести в научный оборот ряд неизвестных ранее исторических документов и фактов. В итоге **«момент истины»** в Катынском деле приближается. Надеюсь, что вторая редакция книги будет способствовать этому.

В этой связи позволю процитировать комментарий на книгу **«Тайна Катыни»** Геннадия Спаськова, одного из активных участников международного проекта **«Правда о Катыни»**. 16 марта 2008 г. Спаськов ответил одному из ярых критиков исследования **«тайны Катыни»** Сергею Романову, пытающемуся на второстепенных неточностях доказать ее несостоятельность.

«Г-н Романов!

С интересом прочитал вашopus «Катынь – разбор полетов: 2. Записка Берии – датировка». Внешне он производит солидное впечатление, если бы не ряд вопросов.

В свое время я прочитал книгу Мухина «Антироссийская подлость». Прочитал книгу Шведа «Тайна Катыни», точнее совместное исследование Шведа и Стрыгина «Тайны Катыни». Для любого непредвзятого читателя абсолютно ясно, что аргументация, предлагаемая Шведом и Стрыгиным, кардинально отличается от аргументации Мухина.

Неясно, с кем вы пытаетесь спорить? С Мухиным или со Шведом и Стрыгиным? Или вы применяете давно известный прием советской пропаганды, рассчитанный на дилетантов в спорном вопросе, когда заведомо проигранные аргументы одного автора приписывались другому?

В этом случае вы плохо отрабатываете те деньги, которые вам платят за «разоблачительные» статьи на катынскую тему. Слишком очевидны «белые нитки», которыми вы пытаетесь «сшить» принципиально разные вещи.

С нетерпением жду ваших «разоблачений» катынских аргументов Стрыгина и Шведа, которые будут изложены, как вы заявили, на вашем сайте «чуть позже». Подобные заявления уже второй год подряд делает и г-н Dassie, но пока... Надеюсь, что вы сдержите свое слово и представите действительно аргументированный материал, который позво-

лит установит истину. Геннадий, скептик-наблюдатель»
(<http://www.katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=540>).

2-я редакция книги «**Тайна Катыни**» ставила целью предоставить тот минимум знаний об истории катынского преступления и истории советско-польских и российско-польских отношений, который позволит читателю сделать собственные выводы об этой сложной странице нашей истории.

Россия давно и тщетно предлагает Польше **«обнулить» счетчик взаимных обид**. Но наша соседка не реагирует на эти предложения. Во многом это обусловлено тем, что польская сторона за последние годы сумела сформировать весьма внушительный перечень претензий к России, на который не получила аргументированного ответа. Новая редакция книги «**Тайна Катыни**» в какой-то мере стремится показать, что **у поляков, как и у россиян, свой «скелет в шкафу»**.

При этом автор стремился делать упор не столько на взаимные претензии, сколько на стремление **«обнулить» счетчик обид**, показывая, что предметом польско-российского спора является тема, аналогичная **теме «стакана», то ли он наполовину полон, то ли наполовину пуст?** Хотелось бы верить, что взгляд на спорные польско-российские проблемы, изложенный в книге, будет способствовать их разрешению.

Надеюсь, что новая книга «**Тайна Катыни**» подведет чи-

тателя к необходимости критического восприятия вбрасываемой в публичный оборот псевдоисторической информации. Примеры, изложенные в книге, показывают, что в такой информации всегда найдутся детали, которые при внимательном рассмотрении, как лакмусовая бумажка, сигнализируют о подлоге и лжи. Дезинформация, как правило, паразитирует на не критическом подходе к оценке исторических событий. **Будем мудрыми и пытливыми!**

Москва, декабрь 2010 г.

Тайны Катыни

*Всегда и во всем впереди шествует Ложь,
увлекая глупцов пошлой своей крикливостью.
Последнею и поздно приходит Правда, плетясь
вслед за хромым временем.*

Б. Грасиан

«**Катынью**» вот уже 70 лет называют события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939—1941 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры.

Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21 857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах в 1940 г., были расстреляны сотрудниками НКВД в Катынском лесу под Смоленском, в Калинин (Твери), Харькове и других, пока не установленных местах.

Термин «**Катынь**» и производные от него: «катынский расстрел», «катынское преступление», являются собирательными. «**Катынским преступлением**» обозначают гибель польских военнопленных и граждан **не только в Катынском лесу, но и в целом на территории СССР** в пе-

риод Второй мировой войны.

«Катынь» как символ «зверств НКВД» запустили в обращение в 1943 г. нацисты. Тогда близ деревни Катынь Смоленской области, а точнее в урочище Козьи Горы, нацисты якобы случайно обнаружили захоронения убитых польских офицеров. Название «Катынь» (местные жители произносят Катынь с ударением на первом слоге) было выбрано нацистами не случайно. Оно издавна созвучно славянскому слову «кат», то есть палач, мучитель.

Это название прозвучало уже в первой статье под заголовком **«GPU-Mord an 12000 polnischen Offizieren»** («ГПУ – убийство польских офицеров»), опубликованной 13 апреля 1943 г. в главной нацистской газете **«Völkische Beobachter»** (Народный обозреватель). В статье говорилось о том, что *«найденны братские могилы этих жертв юстиции ГПУ: они расположены в Катынском лесу на Козьих Горах, рядом с шоссе СмоленскВитебск, приблизительно в 20 километрах западнее Смоленска, недалеко от населенного пункта Софиевка».*

Примечание. 2-я редакция исследования «Тайны Катыни» подготовлена при активном участии С.Э.Стрыгина, координатора международного проекта «Правда о Катыни».

С 1943 г. «Катынь» не только географическое название – это политический водораздел в польско-российских отношениях. К сожалению, большинство поляков психологически

восприняли «Катынь» как продолжение антипольской политики российских царей, как символ русского варварства и доказательство невозможности исторического примирения между поляками и русскими.

Усилиями польской стороны катынская трагедия за последние 20 лет встала вровень с Холокостом. Она позиционируется, как одно из самых ужасных преступлений в истории человечества. При этом бесчеловечные зверства нацистов, изощренно и методично истребивших 6 миллионов поляков, а также преступления пилсудчиков, ответственных за гибель 80 с лишним тысяч красноармейцев в польском плену в 1919—21 гг., уходят на задний план.

Сегодня господствует версия о безусловной и единоличной вине довоенного советского руководства за гибель польских военнопленных. Однако целый ряд фактов и свидетельств убедительно доказывают, что **к преступлению в Катынском лесу причастны нацисты**. Делать какие-либо окончательные выводы о подлинных обстоятельствах катынской трагедии без дополнительного исследования всей совокупности фактов – и давно известных, и выявленных в последнее время, весьма опрометчиво. Однако это не мешает сформулировать **некоторые предположения, касающиеся судьбы польских военнопленных в СССР** в период Второй мировой войны.

Как уже говорилось, **3.196** граждан бывшей Польши – офицеров, чиновников, сотрудников карательных органов,

членов различных националистических (в том числе, и антипольских!) формирований и др., виновных в тяжких военных и уголовных преступлениях, в довоенный период **были расстреляны сотрудниками НКВД на основании законных приговоров легитимных судебных органов Советского Союза – народных судов и военных трибуналов.**

Среди этих 3.196 казненных преступников было несколько сотен бывших польских военнослужащих, обладавших на момент ареста и начала следствия статусом военнопленного или интернированного. Кроме того, **несколько тысяч** польских военнопленных и интернированных были в 1939—41 гг. **изъяты** из лагерей НКВД для военнопленных и в обычном судебном порядке приговорены советскими судами и трибуналами к различным срокам заключения. Несколько тысяч польских военнопленных в так называемом «особом порядке» **были приговорены** к принудительным работам в исправительно-трудовых лагерях НКВД на основании решений внесудебного органа – Особого совещания при НКВД СССР. Часть из них весной 1940 г. была направлена в лагеря «особого назначения» НКВД под Смоленском.

Большинство из 8 тысяч военнопленных поляков, оказавшихся в трех лагерях «особого назначения» НКВД под Смоленском, в июле 1941 г. была захвачена нацистами и **расстреляна ими осенью 1941 г. в Катынском лесу и других местах Смоленской области.** Часть польских воен-

нопленных, фигурирующая в списке катынских жертв, была весной 1940 г. передана Германии, часть по различным причинам **погибла в лагерях и тюрьмах НКВД в период войны**, часть умерла от голода и болезней уже после своего освобождения по объявленной 12 августа 1941 г. амнистии, часть **выжила**, но в Польше о них предпочитают говорить, как о катынских жертвах.

Попытаемся подтвердить вышеизложенную точку зрения. Этому и будет посвящено наше исследование. Но, прежде всего, рассмотрим польско-российские отношения через призму катынского преступления.

«Взгляд из Варшавы и Москвы»

Польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме Президенту Путину в варшавской газете «трибуна» в марте 2006 г. написал: *«Я не был вашим другом – напротив, был заклятым врагом. Но в то же время я немного знал русскую культуру, ваши легенды, историю, литературу, музыку, науку – и отдавал себе отчет, как велика эта культура и что не подобает ее игнорировать.*

А игнорировали мы ее потому, что считали такой подход своего рода защитой от вас, ведь когда-то мы были конкурентами, несколько веков назад мы тоже хотели создать свою собственную, польско-литовско-украинскую империю. Вы нас одолели – победили и поглотили, – однако об имперских амбициях никогда не забывается, здесь доходит даже до смешного. Невозможно оспаривать вашу победу, как нельзя избежать и ненависти побежденных. Но мир с огромной скоростью меняется – а потому и мы, и вы должны этому научиться.

Мне бы хотелось, чтобы Вы, господин президент, вникли в наше отношение к катынской проблеме, которая застряла между нашими народами, как кость в горле, и которую никогда, вообще никогда не удастся устранить, как не удастся зачеркнуть разорения поляками Кремля или пожара Москвы... Катынь – это уже не ло-

кальная проблема, пусть даже самая важная, это оппорочивание славянской семьи перед всем миром» (Трибуна. 03.03.2006).

П.Кунцевич в своем письме достаточно откровенно сказал о главной причине польско-российского противостояния— *«Вы нас одолели – победили и поглотили»*. Поэтому Польша рассматривает Катынское дело, как козырного туза, который позволит получить сатисфакцию за двести лет патронажа России.

Еще более откровенно выразился ведущий теоретик перманентного катынского конфликта, профессор истории Ягеллонского университета (Краков) Анджей Новак, который считает, что: «если историческое направление польской политики не решит проблему Катыни, не добьется признания ее символом одного из двух самых крупных преступлений XX века – преступлением коммунизма – мы не только предадим память об убитых на Востоке, но упустим шанс на получение достойного и стабильного места Польши в Европе» (Строгин. «Российские вести». 16—23.03.2005).

То есть для польских политиков «Катынь» это не столько желание восстановить историческую правду и справедливость, как это громогласно заявляется, сколько **политический инструмент для получения достойного и стабильного места в Европе!** Стремление Польши извлекать максимальную выгоду из всего, даже самого святого, подтвердил в ноябре 2006 г. польский президент Л.Качиньский.

Говоря о блокировании Польшей переговоров России с Евросоюзом, Качиньский подчеркнул, что для Варшавы очень важны добрые отношения с Москвой, однако «эти отношения должны быть такими, чтобы они Польше что-то принесли».

Известно, что Л.Качиньский в октябре 2005 г. выиграл президентские выборы, во многом, благодаря своим антисоветским и антироссийским высказываниям. Немецкий журналист Андрэ Баллин полагает, что после избрания польским президентом Леха Качиньского «историческая неприязнь» между Польшей и Россией «усугубилась личностным фактором» (Баллин. Ледниковый период в центре Европы).

21 марта 2006 г. президент Лех Качиньский в «Специальной линии» телеканала TVP2 назвал исторические проблемы в отношениях с Россией: *«сферами особой чувствительности»*. Он также заявил *«Не думаю, что мы в Польше перестанем изучать или выяснять эти болезненные темы... Совершенно другим вопросом является то, станут ли они (эти болезненные темы) полностью определять в данный момент наше отношение к переговорам с Россией... Но означает ли это то, что мы скажем, что Катыни не было – нет, не скажем ни в коем случае. Речь идет о том, будет ли это основной проблемой в польско-российских отношениях. Здесь мы проявляем добрую волю»*.

История показала, что «*добрая воля*» польскими властями понимается как безоговорочная поддержка их позиции,

которая звучит следующим образом: *«Советские власти весной 1940 г без суда и следствия, расстреляли 21857 невинных польских военнопленных, руководящую польскую элиту, совершив тем самым акт геноцида».*

Надо заметить, что для поляков проблема покаяния России за Катынь в какой-то мере вторична. Катынская трагедия в Польше превратилась в общенациональную пропагандистско-идеологическую систему, в рамках которой ежегодно проводятся десятки мероприятий. Польские политики осознают, что даже частичная деформация этой системы чревата для польского общества серьезными потрясениями. Тем более, что далеко не все простые поляки довольны политикой конфронтации с Россией.

Бывший председатель Института национальной памяти (IPN) в Варшаве Леон Керес, в своем интервью журналу **«Новая Польша»** заявил, что история Катыни должна объединить поляков: *«Нравится это кому-то или нет, но Катынь – это наша мартирология и память об убиенных, и в то же время наше общее дело. Общее вне зависимости от политических взглядов и убеждений. Поэтому я не боюсь сказать, что тот, кто против польского следствия по катынскому преступлению, сам себя ставит по другую сторону»* (Новая Польша. № 3, 2005).

Во второй половине 2006 г., казалось бы, наметились некоторые положительные сдвиги в польско-российских отношениях. В ходе рабочего визита в Польшу ми-

нистра иностранных дел России С.Лаврова в начале октября 2006 г. были достигнуты договоренности о встрече в 2007 г. президентов Л.Качиньского и В.Путина. Планировалось возобновить работу Группы (комиссии) по трудным вопросам польско-российских отношений, которая занялась бы катынской проблемой (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/77250D5C09657A5BC32571FE005EA5A6).

Однако в ноябре 2006 г. Польша продемонстрировала верность прежним установкам и заблокировала переговоры России с Евросоюзом. Как сообщило «РИА Новости», глава польского государства Л.Качиньский на пресс-конференции по этому поводу заявил, что Варшава не может согласиться на то, чтобы соглашение Евросоюза с Россией обходили Польшу стороной, а *«с Москвой надо говорить твердо, решительно и резко»*.

Позиция польской стороны в очередной раз поставила крест на упованиях многих российских политологов, полагающих, что рано или поздно все болезненные исторические проблемы в отношениях между нашими странами сами собой «рассосутся», уступив место прагматизму и экономической целесообразности. Но в отношении Польши это напрасные ожидания. В польском обществе история противостояния с Россией является одной из главных тем. Не случайно именно в Польше родилась так называемая **«историческая политика»**. За последние годы она стала носить ярко выраженный ритуально-пропагандистский характер.

Поэтому, так сложно происходит перевод катынской проблемы на уровень реальной политики. В вопросах оценки катынского преступления Польша вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Тем более, что российские юристы не располагают для этого реальными и обоснованными аргументами, а ведущие российские историки в области катынской проблемы, как правило, отстаивают польскую точку зрения.

К сожалению, об аргументированной позиции России в польско-российском противостоянии говорить пока сложно. В Польше давно издан 4-томный сборник документов «**Катынь. Документы...**». Издание этого сборника было запланировано и в России. Однако прошло 18 лет, но свет увидели только два российских тома сборника. Даже показания главных свидетелей по Катынскому делу, бывшего начальника Калининского УНКВД Д.С.Токарева, бывшего начальника управления по делам военнопленных НКВД СССР П.К.Сопруненко и др. в России официально не опубликованы. Эти показания в переводе с оригинала доступны только на польском языке.

В материалах по Катыни, подготовленными некоторыми российскими историками и юристами, немало «полонизмов», т. е. лексических оборотов, свойственных не русскому, а польскому языку. Это свидетельство того, что **русская историческая наука и юриспруденция в катынской теме попросту переписывают польские источники.**

Сложилась абсурдная ситуация, когда Главная военная

прокуратура РФ не располагает данными об эксгумациях, проведенных польскими историками и археологами на территории СССР, а впоследствии России и Украины, так как они изданы только на польском языке. Но ни российские прокуроры, ни российские историки пальцем не пошевелили для перевода опубликованных отчетов на русский язык с целью ввода их в нормальный научный и юридический оборот. При этом поляки любую информацию из России, имеющую отношение к Катыни, моментально переводят и тиражируют.

Польская сторона не только внимательно относится к информации из России, но и умело формирует в российском обществе выгодное для себя мнение. 14 апреля 2005 г. Указом Президента Республики Польша А.Квасьневского 32 жителя СНГ *«за выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях в отношении польского народа»* были награждены польскими государственными наградами.

Среди них российские исследователи Катынского дела Наталья Лебедева, Валентина Парсаданова, Геннадий Жаворонков, российские военные прокуроры Степан Радевич и Анатолий Яблоков и др., чьи труды способствовали пропаганде и обоснованию польской версии «катынского преступления». По некоторым данным польской награды был удостоен и последний руководитель следственной группы Главной военной прокуратуры РФ (ГВП) по Катыни Сергей Ша-

ламаев.

6 апреля 2010 г. Указом Президента Республики Польша Л. Качиньского «*за выдающиеся заслуги в деле выяснения и распространения правды о Катыни*» высшими наградами Польши были награждены председатель общества «Мемориал» Арсений Рогинский, руководитель польской секции «Мемориала» Александр Гурьянов (вторая награда) и бывший начальник катынской следственной группы Главной военной прокуратуры (ГВП) генерал-майор юстиции Александр Третецкий.

Наступательную и активную позицию в катынском противостоянии польская сторона заняла сразу же после известного заявления ТАСС о вине сталинского руководства и НКВД СССР в катынском расстреле. Генеральный прокурор СССР Николай Трубин сообщал Михаилу Горбачеву в письме за № 1—5—63—91 от 17 мая 1991 г., что 19 апреля он встречался с делегацией правоохранительных органов Республики Польша, возглавляемой заместителем Генерального прокурора Стефаном Снежко. В ходе встречи Трубин пообещал удовлетворить просьбу польской прокуратуры о том, чтобы: *«по окончании следствия, так называемого «катынского дела», полностью скопировать и передать им копии его материалов»* («Военные архивы России», с. 166—167).

Депутат Государственной Думы Виктор Илюхин, много лет занимающийся катынской темой, вспоминает, что в 1991 г. он присутствовал в Генеральной прокуратуре СССР при

беседах с польской делегацией. Его поразило, что *«В поведении поляков, особенно в претензиях к нам, сквозило явное высокомерие, доходящее порой до цинизма»*. Ненамного изменилось поведение поляков и за истекшие 19 лет.

В этой ситуации Россия заняла достаточно странную позицию. Являясь правопреемником СССР и признавая на словах вину СССР за катынское преступление, Россия постоянно шла в отношениях с поляками **на упреждающие уступки**. Но при этом свои обещания выполнять не спешила. Это вносило в польско-российские отношения напряженность. Такое поведение российской стороны было еще как-то оправдано в 1991—2004 гг., пока продолжалось многолетнее расследования катынского преступления, проводимое Главной военной прокуратурой РФ в рамках Катынского уголовного дела № 159. В этот период выжидательная позиция российского руководства обосновывалась отсутствием окончательных выводов следствия.

Но 21 сентября 2004 г. ГВП завершило официальное расследование. Вслед за этим последовало не вполне обоснованное засекречивание материалов уголовного дела № 159 – вплоть до имен обвиняемых, уже опубликованных свидетельств и рутинных процессуальных документов! В такой ситуации польская сторона справедливо стала считать позицию российского руководства по Катынскому делу **неконструктивной, недружественной и даже оскорбительной** по отношению к памяти катынских жертв и польскому

обществу в целом.

В марте 2006 г. польская «Газета wyborcza» писала о ситуации с Катынским делом следующее. Она напомнила, что польской делегации из Института национальной памяти (ИНП) во главе с тогдашним председателем Института Леоном Кересом, прибывшей в августе 2004 г. в Москву, было заявлено, что будет предоставлена возможность снять копии со всех документов катынского уголовного дела. В сентябре того же года польский президент Александр Квасьневский после разговора в Москве с президентом России Владимиром Путиным заявил, что российский лидер заверил его, что «гриф секретности будет снят с тех документов, на которых он сейчас имеется».

В конце октября 2005 г. польские прокуроры из ИНП были ознакомлены с 67 не секретными томами катынского уголовного дела № 159, но без предоставления возможности снять копии документов, находящихся в них. В марте 2006 г. посольство России в Варшаве проинформировало польскую сторону, что Главная военная прокуратура РФ может предоставить незаверенные копии документов из 67 несекретных томов дела. Остальные 116 томов дела и постановление об его прекращении не могут быть предоставлены, так как имеют гриф секретности.

После этого поляки ждали еще 4,5 года. И вот, наконец, 8 мая 2010 г. российская сторона начала исполнять обещание Генерального прокурора СССР Н.Трубина, данное двадцать

(!) лет назад. Заверенные копии 67 несекретных томов уголовного дела № 159 президент Дмитрий Медведев передал исполняющему обязанности президента Польши Брониславу Коморовскому. В России это было расценено, как **«прорыв»**. В сентябре 2010 г. были переданы еще 20 томов. 14 декабря 2010 г. польской стороне были вручены очередные 50 томов. Теперь поляки ждут оставшиеся 46 томов уголовного дела № 159.

Заметим, что польская сторона прекрасно информирована о том, что содержится в секретных 116 томах дела. Задолго до 8 мая 2010 г. были известны ей и материалы переданных 67 несекретных томов дела. Почему же полякам так важно получить заверенные копии всех 183 томов дела № 159 и постановление об его прекращении? Дело в том, что они не удовлетворены российским расследованием, но для **предъявления обоснованных и аргументированных претензий и судебных исков нужны официально подтвержденные Россией материалы.**

Это подтвердил и польский Сопредседатель Группы по трудным вопросам Адам Ротфельд. Он заявил, что содержание переданных 67 томов дела № 159: *«известно польским историкам, они не являются главным предметом польских ожиданий, но теперь мы получили эти документы в виде заверенных копий, что дает возможность использовать их для судебного производства»* («Время», № 79, 12 мая 2010 г.). Так, что с передачей всех томов уголовного

дела № 159 проблемы катынского противостояния могут не только не исчезнуть, но и получить новое развитие.

Утверждения российских политиков о том, что в последнее время польско-российские отношения нормализуются, особенно после декабрьского (2010 г.) визита Медведева в Польшу, не более чем попытка выдать желаемое за действительное. Да, внешне, прежде всего, в политических верхах, наблюдается определенное улучшение этих отношений. Но глубинная неприязнь к России, всегда присутствовавшая в польском обществе, не преодолена. В любой нестандартной ситуации она прорывается наружу. Великий русский мыслитель и публицист Н.Я.Данилевский еще в 1868 году называл Польшу *«классической страной руссо-боязни и руссо-ненавидения»*. Ранее уже говорилось, как Россия своими не исполненными обещаниями подпитывает эту боязнь.

Не случайно реакция польского истеблишмента на выступление российского премьера Путин в Гданьске 1 сентября 2009 г. по поводу 70-летия начала Второй мировой войны была неадекватной. Путин в своей речи ясно показал, что Россия готова к выстраиванию с Польшей конструктивных, взаимоуважительных отношений. Однако тогдашний польский президент Л.Качиньский и Сейм постарались не заметить этого дружественного жеста. 23 сентября польский Сейм принял конфронтационную резолюцию, в которой осуждалась агрессия СССР против Польши в сентябре

1939 г., а катынское преступление было квалифицировано, как обладающее *«признаками геноцида»*.

Неоднозначной была реакция польской элиты и на церемонию в Катыни с участием Путина и Туска, состоявшуюся 7 апреля 2010 г. Казалось бы, наконец, найдены общие точки соприкосновения для преодоления катынского противостояния. Но не тут-то было. Главный польский эксперт по Катынскому делу, теперь уже покойный, председатель Института национальной памяти (ИНП) Януш Куртыка, один из ближайших сподвижников Леха Качиньского, оценил мероприятие, проведенное в Катыни 7 апреля, как *«некий ритуал, не наполненный сутью, ожидаемой польским народом»*. Он также заявил, что *«поляки не должны поддаваться искушению принять общие рассуждения Владимира Путина, как исполнение своих мечтаний»*.

Не следует обольщаться высказываниями некоторых политологов о том, что покойный польский президент Лех Качиньский якобы намеривался 10 апреля в Катыни предложить меры, направленные на снижение накала давнего спора между Польшей и Россией. Для доказательности обратимся к опубликованному тексту катынской речи, так и не произнесенной Качиньским («Rzeczpospolita», 11 апреля 2010 г., <http://inosmi.ru/europe/20100412/159226876.html>)

В речи польского президента должны были вновь перечислены основные болевые точки в польско-российской истории: акт «геноцида» поляков в Катыни, «союз» СССР и

Третьего рейха, пакт Молотова-Риббентропа и «агрессия» против Польши 17 сентября 1939 г. Концовка речи Качиньского, казалось бы, вселяла надежду: *«Так сделаем же так, чтобы катынская рана могла, наконец, окончательно зажить и затянуться. Мы уже на верном пути. Мы, поляки, ценим то, что сделали в последние годы россияне. И этим путем, сблизившим наши народы, мы должны двигаться дальше, не останавливаясь и не отступая назад».*

Однако напомним инаугурационную речь Качиньского в декабре 2005 года, в которой прозвучало: *«Я хочу хороших отношений с Москвой...».* При этом польский президент сразу же заявил, что **не намерен** ехать в Москву. Призывы к хорошим отношениям с Россией в различных вариациях звучали **в каждом** следующем выступлении Леха Качиньского. Но реальных шагов по сближению с восточным соседом польский президент и не пытался делать, так как это требовало определенных уступок с польской стороны. А это, особенно в катынской проблеме, для любого польского политика смерти подобно.

Избрание 4 июля 2010 г. Бронислава Коморовского президентом Польши вряд ли кардинально изменит ситуацию в катынском противостоянии. Любой польский президент **является заложником господствующего в Польше общественного мнения.** Это мнение, как и национальное сознание поляков в значительной степени формирует история,

которая на политической сцене Польши давно стала активным действующим персонажем. Следует учесть, что Коморовский на президентских выборах победил Ярослава Качинского с минимальным перевесом.

Политические лидеры в Польше вынуждены или **убегать от паровоза**, имя которому – **общественное мнение**, или **бежать впереди этого паровоза**. Первые, а они являются абсолютным большинством, как правило, конформисты, их главной целью является стремление **не попасть** под «каток» общественного мнения и обеспечить себе комфортное существование.

Вторые, в силу своих личностных качеств и харизмы, также опасаются «катка» общественного мнения, но при этом умеют им манипулировать, и, рискуя карьерой, стремятся во время **переводить** «стрелки» на пути этого катка в нужном направлении. Однако в Польше пытаться переводить стрелки общественного мнения крайне опасно.

Напомним трагическую судьбу польского историка и общественного деятеля Казимира Валишевского, посмеявшегося в книге **«Потоцкий и Чарторыйский»** (1887 г.) вопреки общепринятому мнению сформулировать вывод, что потеря государственной независимости и территориальные разделы Польши произошли **не столько из-за злой воли европейских держав, сколько из-за непродуманной и недальновидной политики польских властей**. За это он был отлучен от польского общества и в 1889 г. был вынужден пе-

реехать во Францию, где через 46 лет умер, так и не сумев побывать на родине, которая его отвергла.

Сегодня фактов обструкции инакомыслящих в Польше также немало. Вот свежий пример. Накануне досрочных президентских выборов 2010 г. авторитетный общественный деятель, узник Освенцима, участник Варшавского восстания, политзаключенный времен социализма, бывший министр иностранных дел Польши 88-летний Владислав Бартошевский посмел поддержать кандидатуру Коморовского, который, по мнению правых, «заигрывает» с Россией.

После этого на адрес аппарата премьера, где Бартошевский возглавляет в ранге министра группу советников, пришло более ста писем с различными угрозами: *«Гитлер мало тебя научил, но мы тебе покажем»*, *«Скоро сдохнешь, как собака»*, *«Твои дни сочтены»*... МВД Польши вынуждено было предоставить Бартошевскому охрану (см. <http://www.vremya.ru/2010/104/5/256050.html>)

В Польше общественное мнение в значительной степени традиционно базируется на историческом недоверии и искусственно подогреваемой неприязни к России. Современная трактовка польской истории включает в себя массу исторических событий, негативно характеризующих Россию. Подробнее об этом расскажем ниже. Поэтому нашей стране рассчитывать на взаимопонимание со стороны Польши в катынском противостоянии весьма проблематично.

Правда, искреннее сочувствие, которое проявили россия-

не в связи с гибелью польской делегации под Смоленском, на время растопило лед недоверия к России у многих поляков. Но последующие события показали, что **инерция старого мышления, особенно когда ее умело подпитывают, в Польше весьма сильна**. Напомним, что накануне выборов нового польского президента, вдруг стали тиражироваться самые невероятные версии гибели Качиньского. Якобы это было спланированное покушение, а после катастрофы какие-то люди расстреляли оставшихся в живых (!) пилотов и уцелевших пассажиров президентского самолета и т. д. и т. п. На фоне этих версий некоторые польские политики, в том числе и Ярослав Качиньский, демонстрируют «особый» подход к решению польско-российских проблем.

1 июня 2010 г. в Польше обнаружили записи черных ящиков президентского лайнера Ту—154, которые свидетельствуют о четкой работе российских авиадиспетчеров и непростой психологической атмосфере на борту самолета. Однако лидер партии «Право и справедливость», в то время кандидат в президенты Польши, Ярослав Качиньский заявил, что из стенограмм «ничего не следует», а причины катастрофы по-прежнему остаются «полностью невыясненными». 27 июня Ярослав Качиньский многозначительно заявил, что Россия затягивает расследование причин авиакатастрофы под Смоленском, а это вызывает **«подозрения»**. Однако, какова суть этих подозрений Качиньский не уточнил. Одним словом, гибель польского президента Л.Качиньского

под Смоленском может стать вторым Катынским делом.

Между тем, сам факт нахождения в кабине пилотов перед посадкой в Смоленске командующего ВВС Польши генерал Анджея Бласика и директора дипломатического протокола МИД Польши Мариуша Казана, явно оказывал на пилотов психологическое давление. Для экипажа оно усугублялось воспоминаниями о похожей ситуации. 12 августа 2008 г. командир экипажа польского президентского лайнера Ту—154 по соображениям безопасности отказался садить его в Тбилиси и приземлился в Азербайджане. Тогда польский президент был так разгневан поведением несговорчивого летчика, что на него едва не завели уголовное дело. В итоге «провинившийся» пилот был уволен из элитного подразделения.

Следует добавить, что церемония в Катыни была весьма важной для Леха Качиньского. Она должна была поставить определенную точку в противостоянии президента Качиньского и премьера Туска, показав незначительность мероприятия, которое состоялась в Катыни 7 апреля с участием Туска и Путина. Ситуацию для Качиньского осложняло то, что осенью 2010 г. в Польше должны были состояться выборы нового президента. В апреле рейтинг польского президента был самым низким из всех претендентов, а его позиция, как президента, постоянно подвергалась критике.

Не случайно в трагический полет Качиньский пригласил почти сотню представителей высшей польской элиты. Это должно было показать Польше, **кто есть кто**. Фактически

это был **пропагандистский десант польского президента**. Мероприятия в Катыни планировалось транслировать в прямом эфире на всю Польшу. Все было расписано по минутам. Польское телевидение каждые несколько минут давало анонс о начале передачи из Катыни. В то же время из-за опоздания президентской четы, самолет из Варшавы вылетел на полчаса позже. Слава Богу, что хоть в этом опоздании поляки не увидели «руку ФСБ».

О напряженной психологической ситуации в кабине пилотов президентского самолета 10 апреля 2010 г. свидетельствует обрывок фразы, произнесенной в 10 часов 38 минут (за 2 минуты до катастрофы), кем-то из находившихся в кабине: ***«Он взбесится, если еще...»*** (далее неразборчиво). С большой степенью уверенности можно утверждать, что речь шла о Лехе Качиньском, который очень спешил... Об этом же свидетельствует новый расшифрованный фрагмент записи «черного ящика», в котором звучит фраза командира корабля Протасюка о том, что ***«если мы не приземлимся, они [или он] убьют меня»***.

Вышеизложенное достаточно убедительно свидетельствует о том, что причиной катастрофы была ошибка пилотов, вызванная непростой психологической атмосферой на борту самолета. С этой очевидной истиной никак не хотят согласиться некоторые польские политики и, прежде всего, брат-близнец Леха Качиньского, Ярослав Качиньский. К сожалению, неадекватная реакция на очевидные вещи в

польско-российских отношениях у многих польских политиков наблюдается довольно часто. При этом аргументы оппонентов, как правило, даже не выслушиваются. Не случайно французский писатель и радиокomentатор Анри-Жан Дютей как-то заметил, что: ***«полякам в радость открыто обвинять русских»***.

Достаточно напомнить, как польское руководство и польские СМИ реагировали на агрессию Грузии в отношении Южной Осетии. Даже, когда факт агрессии стал очевидным, в Польше стояли на своем. Аналогично реагировали польские журналисты на презентацию сборника рассекреченных документов Службы внешней разведки России (СВР) **«Секреты польской политики. 1935—1945»** 1 сентября 2009 г. Их вопросы ясно показывали, что предлагаемые в сборнике документы для них **не аргумент**.

Аналогично повели себя и польские политики. Наиболее концентрированно их отношение к сборнику документов СВР выразил уже упомянутый председатель Института национальной памяти Куртыка. Он еще раз продемонстрировал неспособность вести аргументированный диалог, заявив, что ***«ИНП ответит на российские попытки фальсифицирования истории»*** публикацией ***«материалов, которые подробно раскроют механизмы этой лжи»***.

Но пока польская сторона смогла обвинить составителей сборника лишь в ***«методических ошибках»*** и незнании польской истории ***«даже на уровне школьного учебника»***.

ка». Поводом для этого явилась тривиальная ошибка. Якобы один из документов попал не в тот хронологический раздел. Но от этого содержание сборника не изменилось, так как включенные в него документы являются подлинными и неопровержимо свидетельствуют о **тесных союзнических связях между Польшей и Германией** накануне Второй мировой войны.

В этой связи возникает вопрос, **а можно ли быть уверенным в том, что, даже, если российская сторона продолжит тактику упреждающих уступок, польско-российское противостояние будет преодолено?**

Помимо **«непреклонности»** польской стороны в защите своих позиций в российско-польском диалоге следует учитывать, что польские политики, почувствовав слабость российских партнеров, без промедления этим пользуются для навязывания своей точки зрения, угрожая в противном случае прервать дискуссию. В 1989 г. такую тактику постоянно демонстрировали представители прибалтийских республик на Съездах народных депутатов СССР. И она приносила успех.

В большинстве случаев это является психологическим демаршем, рассчитанным на слабые нервы оппонента. Но такая тактика до сих пор позволяет польской стороне навязывать российским партнерам свои правила «игры». Не возникает сомнений, что польские правила дискуссии были навязаны и двусторонней **Группе по трудным вопросам исто-**

рии польско-российских отношений.

Группа пришла на смену Комиссии советских и польских ученых по истории взаимоотношений между СССР и Польской Народной Республикой, созданной в 1987 г. совместным решением Михаила Горбачева и Войцеха Ярузельского. Деятельность советско-польской Комиссии закончилась в 1989 году полным поражением советских историков по причине неспособности дать аргументированные ответы польской стороне по катынскому преступлению.

Работа Группы по трудным вопросам истории польско-российских отношений работу также складывалась непросто. Свою деятельность она начала только в 2008 г., то есть спустя 6 лет после создания. Российскую часть Группы возглавил академик РАН, ректор Московского института международных отношений **анатолий торкунов**. Польскую – известный политик, юрист и журналист, бывший министр иностранных дел Польши, **адам ротфельд (Adam Rotfeld)**.

Ущербная позиция российской части Группы была predetermined не столько неоправданной засекреченностью материалов в архивах России, имеющих отношение к катынскому преступлению, сколько односторонним подбором состава российских участников Группы. Заметим, что тема Польши и российско-польских отношений для Сопредседателя Группы Торкунова является «terra incognita». Он известен, как ведущий востоковед, специалист по международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Се-

веро-Восточной Азии, но не специалист в области истории российско-польских отношений.

Из пятнадцати человек российской части Группы пятеро представляют Московский институт международных отношений. Большинство из них, как и Торкунов, специализируются по проблемам международных отношений в Юго-Восточной Азии. Единственным авторитетным специалистом по российско-польским отношениям в российской части Группы является профессор МГУ им. М.В.Ломоносова Геннадий Матвеев. Но он далек от катынской тематики.

Два известных историка-катыноведа, Наталья Лебедева и Инесса Яжборовская формально являются членами российской части Группы. Но на самом деле обе являются яростными защитниками польской версии катынского преступления. Их «гармонично» дополняет юрист Александр Третьцкий, бывший руководитель следственной бригады ГВП в 1990–1992 г., также сторонник польской версии. Как отмечалось, все трое за поддержку и обоснование польской версии катынского преступления были удостоены правительственных наград Республики Польша. Для этих троих любые поползновения на официальную версию Катыни – удар по профессиональному престижу, общественному положению и финансовому благополучию.

Не сомневаясь в научной добросовестности и высоком профессионализме остальных пяти членов российской части Группы, говорить об их ведущей роли в изучении истории

российско-польских отношений можно лишь с большой натяжкой. Завершает список российской части Группы деятель культуры Станислав Бэлза. Человек он известный. Большой эрудит. Но вряд ли Бэлза является специалистом в сложных вопросах исторических отношений России и Польши. Отметим, что формирование российской части Группы происходило с «благословения» Министерства иностранных дел РФ.

В то же время состав польской части Группы говорит сам за себя. Эти двенадцать человек являются матерыми «зубрами» польской истории и политики. Россия для них хорошо известный «предмет особого внимания». Не случайно Адам Ротфельд в одном из интервью проговорился, что **в результате работы Группы ее российские участники в итоге приняли польскую точку зрения.** Потом он понял свою оплошность и пытался объяснять, что его неправильно поняли. Однако знакомство с работой Группы показывает, что российская часть Группы действительно согласилась с польской стороной практически по всем обсуждаемым вопросам.

Группа в 2009 г. предложила польскому и российскому руководству в связи с 70-летием катынской трагедии в следующем 2010 году провести совместную траурную церемонию в Катыни. Помимо этого также предлагалось, чтобы в связи **90-летием польско-советской войны**, точнее, польской агрессии против Советской России, провести совместные траурные мероприятия в местах массовой гибели плен-

ных красноармейцев в Польше.

Как известно, церемония в Катыни прошла, а **об ответ-ных мероприятиях в Польше молчит, как российское, так и польское руководство**. Польской стороне, на фоне сложившейся ситуации, невыгодно поднимать вопрос об этих мероприятиях, а российская в очередной раз пытается «войти в положение» польского партнера.

Президент Медведев во время декабрьского визита в Польшу так и не нашел времени для того, чтобы посетить единственный скромный мемориал, посвященный 22 погибшим в 1920 г. красноармейцам, в Оссуве, городке близ Варшавы. Польская оппозиция, настроенная антироссийски, этим была весьма довольна.

Одним словом, пока говорить **о равноправном и взаимоуважительном диалоге Польши с Россией не приходится**. Во многом это предопределено безвольной российской позицией и тем, что за последние 20 лет польская сторона сумела «навешать» на Россию тяжкий груз исторических «преступлений и ошибок».

По мнению польской стороны Россия, как правопреемник СССР, должна **покаяться** за то, что Советский Союз был **союзником** нацистской Германии и наравне с ней **несет равную ответственность** за развязывание Второй мировой войны, за то, что СССР совершил в сентябре 1939 г. **агрессию против Польши и совместно с Германией устроил 4-й раздел Польши**, а весной 1940 года **тайно**

расстрелял тысячи польских военнопленных (элиту Польши), и депортировал миллионы польских граждан в Сибирь. Польша утверждает, что в августе 1944 г. Красная Армия безучастно наблюдала за **истреблением польской элиты** в восставшей Варшаве, а после победы над нацистской Германией на 45 лет **оккупировала Польшу.**

К этому следует добавить не меньший перечень польских обид, касающийся застарелых исторических спорных вопросов, начиная с разделов Польши в XVIII веке и кончая польско-советской войной 1920 года.

В этой связи возникает вопрос, **а может ли быть равноправным диалог двух партнеров, один из которых по уши в «неотмоленных» грехах?** Между тем о несостоятельности и надуманности вышеперечисленных спорных вопросов говорится в целом ряде аргументированных публикаций маститых российских ученых. Однако руководство России, говоря об этих вопросах, почему-то предпочитает пользоваться услугами консультантов, советы которых только усугубляют ситуацию.

Напомним пресс-конференцию российского премьера Путина 7 апреля 2010 г. в Катыни, на которой он с чьих-то слов заявил, что в «20-м году военной операцией в советско-польской войне, в советско-польском тогда конфликте, руководил лично Сталин». Но известно, что Сталин, являясь в то время членом Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), на Юго-Западном фронте, наступавшим на Львов, был **всего**

лишь членом Реввоенсовета этого фронта. Самим фронтом командовал А.Егоров.

Известно также, что еще в мае 1920 г. Сталин выступил в газете «**Правда**» с критикой планов Председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Троцкого, Главкома РККА С.Каменева и командующего Западным фронтом М.Тухачевского о форсированном походе на Варшаву. По мнению Сталина ситуация для этого, как в Польше, так и в России была неблагоприятной.

Польша имеет счет и к «демократической» России. Он касается катынского преступления. По мнению поляков, Россия **не дала** точной и полной юридической квалификации катынского преступления и отказывается признать катынский расстрел **геноцидом**. Она **необоснованно засекретила** основные материалы уголовного дела № 159, отказывается процессуально **установить и обнародовать** персональный состав виновных в катынском преступлении, и **отказывает** родственникам погибших польских граждан в **реабилитации**.

Ни по одному из вышеперечисленных вопросов Польша пока не уступила России ни миллиметра. Обсуждение этих проблем польская сторона, как правило, начинает лишь при условии согласия российской стороной с основными положениями своего подхода. В то же время, для кардинального изменения подобного положения у России имеется нема-

ло объективных оснований, подкрепленных соответствующими историческими свидетельствами, документами и исследованиями.

Однако российские попытки останутся малоэффективными, если Россия не возьмет на вооружение польский подход в вопросах отстаивания позиций. Это не значит, что Россия должна копировать польскую неуступчивость, нередко переходящую в жесткое противостояние. Внимания заслуживает польский опыт оперативного реагирования и влияния на развитие спорных вопросов в двусторонних отношениях с привлечением к этому СМИ, общественности и научных сил.

Так, польский Сейм и правительство незамедлительно реагируют на любые попытки российской стороны подвергнуть сомнению польскую официальную точку зрения на историю отношений с Россией. В итоге российские СМИ вынуждены еще раз тиражировать позицию польской стороны. Министерство иностранных дел Польши помимо общепринятых дипломатических демаршей в отношении России, оказывает в рамках программы **«распространение знаний о Польше»** финансовую поддержку изданию в России книг, отстаивающих польскую трактовку исторических событий польско-советских и польско-российских отношений.

Подлинным рупором польского видения истории отношений Польши и России стал журнал **«Новая Польша»**. Он, не без помощи польского государства, бесплатно направля-

ется во все мало-мальски значимые российские библиотеки. Это позволяет формировать в среде российской общественности благожелательное отношение к польской точке зрения.

Огромную работу по пропаганде и отстаиванию польского взгляда на историю ведут не только официальные представители Республики Польша, но и их добровольные помощники из числа интеллектуальной элиты не только польской, но и российской: ученые, писатели, журналисты и др. К сожалению, во всех вышеперечисленных вопросах у России огромные пробелы.

Например, журнал **«Наш современник»**, отстаивающий русские национальные ценности и являющийся продолжателем традиций «Современника» основанного Александром Сергеевичем Пушкиным, из-за финансовых трудностей, лишен возможности отправлять свои номера не только в польские, но и в российские библиотеки. При этом в России немалыми тиражами издаются книги польских авторов с явно русофобским душком. В то же время книги российских авторов, отстаивающие позиции России, никогда не попадают на прилавки книжных магазинов Польши.

Лица, представляющие нашу страну за рубежом на различных форумах, семинарах и конференциях, в своем большинстве не умеют выступать перед западной аудиторией, начиная от незнания английского языка и заканчивая чтением выступления по бумажке в менторском тоне. Правильные по сути заявления, поданные в такой форме, не воспринимают-

ся западной экспертной и политической элитой и вызывают у нее крайнее раздражение.

Особо следует подчеркнуть, что определяющее влияние на польско-российские отношения оказывает **польское национальное историческое самосознание**. Целый ряд исторических событий польско-российской истории поляки трактуют по-своему. Они уверены, что Польша с давних времен была жертвой агрессивных устремлений России, что польско-советскую войну 1920 г. начали большевики, что Польша никогда не поддерживала союзнические отношения с нацистской Германией и т. д. и т. п.

По поводу вышесказанного заметим лишь следующее. Общеизвестно, что в мае 1920 г. Польша вторглась на территорию Советской Украины и захватила Киев. Также является фактом, что Польша добровольно взяла на себя функции представления Германии в Лиге Наций, когда та в 1933г. демонстративно вышла из нее. После этого визиты нацистских деятелей в Польшу, а польских в Германию стали нормой. Однако для поляков это просто «измышлизмы».

При этом поляки свято верят в советские «грехи», которые были перечислены выше. Свои исторические заблуждения польская сторона преподносит, как истину, не подлежащую обсуждению. В этой связи странно, что Россия в отношениях с Польшей избрала тактику «поддавков» и упреждающих «уступок». Жизнь давно доказала, что подобная тактика не лучший способ преодоления стабильной, постоян-

ной враждебности, сформировавшейся между двумя странами. Тем самым Россия укрепляет уверенность польской стороны в правоте ее позиции и, тем самым, усугубляет противостояние.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. **Взгляд из Варшавы и из Москвы на большинство спорных проблем пока остается и будет оставаться различным.** Для лучшего понимания этого различия обратимся к истории катынского преступления.

Выстрелы из прошлого, или Краткая история катынского противостояния

Вернемся в далекий 1943 г, когда 13 апреля «**радио Берлина**» сообщило о найденных в Катынском лесу захоронениях 12 тысяч польских офицеров, которые, как утверждали нацисты, были уничтожены большевиками. Дело о расстреле польских офицеров на территории СССР получило название «Катынского». По указанию Гитлера Катынским делом занимался лично министр имперской пропаганды Геббельс. Польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию, и 16 апреля 1943 г. с соответствующим коммюнике выступил министр обороны Польши генерал М.Кукель.

В ответ 15 апреля 1943 г. Совинформбюро обвинило в катынском преступлении нацистов, объявив, что польские военнопленные: *«находились в 1941 г. в районе западнее Смоленска на строительных работах и попали со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года»* (Катынь. Расстрел... С. 448).

25 сентября 1943 г. Красная Армия освободила Смоленск от немецкой оккупации. 12 января 1944 г. была создана советская «**Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военно-**

пленных польских офицеров», председателем которой назначили академика Н.Н.Бурденко.

В том же январе Специальная Комиссия, более известная как комиссия Бурденко, провела эксгумацию польских захоронений в Катыни-Козьих Горах. 26 января 1944 г. в газете **«Правда»** было опубликовано официальное Сообщение Комиссии, в котором говорилось: *«... до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.*

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

...Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами... Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований... утверждает, что этот расстрел относит-

ся к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем – декабрем 1941 г.»

Но убедительно донести до советской и польской общественности итоги работы комиссии советские пропагандисты оказались не в силах. В этом плане интерес представляет письмо писателя Алексея Толстого, члена комиссии Бурденко, Председателю Президиума ВС РСФСР Николаю Швернику, датированное 3 февраля 1944 г.

Толстой писал по поводу документального фильма **«трагедия в Катынском лесу»**, посвященного работе комиссии Бурденко в Катыни. Он отмечал, что в таком виде фильм не только *«совершенно не годится для показа, но может даже произвести отрицательный эффект. Сцена допроса свидетелей озвучена так, что похоже на то, что свидетели повторяют какой-то заученный урок. Их речь получается неживой и вследствие этого неправдоподобной»* (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 349).

В послевоенной Польской республике выводы комиссии Бурденко были встречены общественностью неоднозначно. В то же время, как утверждают очевидцы, в 1943 г. многие поляки не поверили нацистам. Варшавянин Потьканский Эдвард, бывший солдат германской армии на допросе в конце 1943 года в специальном лагере № 24 3-его Белорусского фронта сообщил: *«В разгар катынской кампании я был в Польше. Гитлеровская польская газета «Курьер Варшавский» заполняла целые страницы фамилиями поль-*

ских офицеров, будто бы замученных большевиками в Катыни. С больших предприятий в Катынь посылались делегаты, которые по возвращении должны были рассказывать о зверствах большевиков. Таких же представителей немцы посылали даже из концлагерей. Это были польские офицеры.

Многие делегаты, возвратясь из поездки, рассказывали обратное тому, что хотелось гитлеровцам. Вскоре эти делегаты были арестованы и пропали без вести. На стенах домов появились надписи: «Катынь – дело рук гестапо». Такие надписи можно было прочесть на Новогрудской, Маршалковской и других улицах. На скамейках в Саском саду были приклеены записи, в которых сообщалось, что убийцами польских офицеров в Катыни являются немцы. Поляки говорили о Катыни, как о новом злодеянии немецких разбойников» (ВИЖ. № 11, 1990).

Однако чрезмерно прямолинейное и жесткое навязывание советской версии катынского преступления, не дававшей ответа на ряд спорных вопросов, вызвало обратный эффект. Этому способствовало подпольное распространение в Польше отчета Генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скарьжинского о работе Технической комиссии ПКК в Катыни в 1943 г. Поляки стали сомневаться в выводах комиссии Бурденко точно так же, как годом ранее они сомневались в выводах немецких оккупационных властей. Не надо забывать, что выводы комиссии Бурденко подводили поля-

ков к осознанию того, что эмигрантское лондонское правительство, поддержавшее в 1943 г. немецкую версию Катынского дела, было по сути **коллаборантным**. Для многих поляков такой вывод был неприемлим.

В 1944—45 гг. левые силы в Польше под руководством Болеслава Берута и Эдварда Осубко-Моравского были еще слабы и крайне нуждались в поддержке других слоев польского общества, чтобы перевести Польшу на социалистический путь развития. В этой связи Берут, как Председатель Крайовой Рады Народовой, обратился к советскому руководству с просьбой широко не афишировать выводы комиссии Бурденко, дабы устранить повод для разжигания в Польше политических страстей и нагнетания антисоветских настроений.

В итоге не придумали ничего лучшего, как **изъять брошюру** с отчетом о работе комиссии Бурденко. Во второй половине 1944 г. ее сняли с продажи, а 21 августа 1945 г. Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита издал приказ № 716, предписывающий изъять брошюру **«Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»** из книоторговой сети и библиотек общественного пользования (ГАРФ ф.9425, оп.2, д.69, л.80). Следует отметить, что изымались только экземпляры на русском и польском язы-

ках, а экземпляры на других языках в библиотеках оставались. Однако изъятие брошюры лишь усилило подозрение поляков. **Если скрывают, значит, что-то есть!**

Реакция польской общественности не беспокоила советское руководство. В эйфории победы над Германией и Японией в Кремле было принято опрометчивое решение закрепить выводы комиссии Бурденко решением Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге. Планировалось окончательно закрыть катынскую тему – быстро и эффективно, без дополнительной политико-пропагандистской подготовки и усиления документальной аргументации. К сожалению, никто из советских руководителей не придал значения тому, что итоговое **«Сообщение....»** Специальной Комиссии не было достаточно аргументированным с формально-юридической и судебно-медицинской точек зрения.

Это во многом обусловила политическая установка о том, что не следует полемизировать с авторами немецкого **«Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»**. В этой связи советская сторона лишилась возможности использовать подготовленный в декабре 1945 г. ведущими польскими судмедэкспертами европейской величины Яном Ольбрыхтом и Сергиушем Сенгалевичем **«Судебно-медицинский отзыв на германский официальный материал «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»,**

Польские судмедэксперты обнаружили в Отчете немецкого профессора Бутца, проводившего в 1943 г. эксгумацию в

Катыни-Козьих Горах *«достаточно много пробелов, ошибок и неточностей, чтобы можно было признать утверждения, сделанные немцами в публикации «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn» как материал, не выдерживающий точной научной критики, а тем самым признать его обладающим слишком большим пропагандистским характером»* (ГАРФ. Ф.7021. Оп.114. Д.18. Л.1—37). Тем самым немецкой версии был нанесен существенный удар.

Но в Нюрнберге эти материалы не были использованы. О них предпочли не упоминать, так как они одновременно ставили под сомнение и советскую официальную версию о вине нацистов за расстрел поляков в Катынском лесу. Прежде всего, это касалось безапелляционного заключения советской судебно-медицинской экспертной комиссии о том, **что расстрел польских военнопленных относится к сентябрю-декабрю 1941 г.** Это утверждение советских судмедэкспертов было недостаточно обосновано с научно-медицинских позиций. Видимо, оно была обусловлено очередной политической директивой «сверху». В итоге советская сторона в попытках любой ценой доказать преступление нацистов, стало жертвой своих собственных амбиций.

Помимо этого, советские юристы и историки были лишены возможности использовать для подкрепления выводов комиссии Бурденко трофейную переписку вышестоящих органов нацистской Германии и немецкой тайной полиции,

обеспечивавшей контроль за ходом эксгумации в Катыни-Козьих Горах. Она убедительно доказывала фальсификационный характер немецкой эксгумации. И в этом случае, видимо, также действовала политическая установка о том, что **полемизировать с нацистами незачем**, а опубликованные выводы комиссии Бурденко являются исчерпывающими и достаточными для доказательства вины немецкой стороны.

Кстати, **нежелание официальной России полемизировать по спорным историческим вопросам** уже привело к тому, что в мире все чаще и чаще ставятся под сомнение итоги Второй мировой войны. СССР, а соответственно и Россия, как его правопреемник, в ряде стран официально считается одним из инициаторов этой войны.

Настрой российского МИДа на то, чтобы **спорными вопросами занимались только историки, является не только ущербной, но таит в себе непредвиденные негативные последствия для России**. В этом случае российским историкам будут противостоять оппоненты из других государств, находящиеся в рамках законов, предполагающих **уголовную ответственность** за высказывание точки зрения на исторические проблемы, не соответствующей установкам на государственном уровне.

Так, в Польше и Литве приняты законы, предусматривающие уголовную ответственность за публичную пропаганду фашистского и коммунистического режима. К понятию «пропаганда» может быть отнесена и попытка реально пред-

ставить политику советского руководства в спорных исторических вопросах. В такой ситуации научный спор россиян с **оппонентами, которых в случае высказывания крайних мнений ждет тюремная камера, просто бессмыслен.**

Но вернемся к Нюрнбергу. Неблагоприятный для СССР итог рассмотрения «катынского эпизода» на Нюрнбергском трибунале обусловили два обстоятельства. Прежде всего, время рассмотрения вопроса о Катыни в трибунале роковым образом совпало с началом «холодной» войны, идеологию которой в своей знаменитой речи в Фултоне сформулировал 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У.Черчилль. В ситуации нарастающей враждебности в отношениях между Западом и СССР, советский обвинитель полковник Ю.Покровский, отвыкший от реальной состязательности в судебных процессах и не ожидавший серьезных политических подвохов от недавних союзников по антигитлеровской коалиции, по выражению западных журналистов, выглядел «жалко».

Вторым важным обстоятельством явилось то, что незадолго до рассмотрения «катынского эпизода», польское эмигрантское правительство распространило среди участников Нюрнбергского процесса и журналистов **«Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу»** (более 450 стр.), подготовленный польским юристом В.Сукенницким и активным участником поиска поляков в СССР

М.Хейтцманом. В этом документе вина за катынское преступление возлагалась на СССР.

Вопрос о Катыни в Нюрнберге рассматривался 1—3 июля 1946 года. Советские свидетели повторили уже давно известные факты из Сообщения комиссии Бурденко. Немецким свидетелям, при явном попустительстве председателя трибунала, удалось формально опровергнуть или поставить под сомнение целый ряд небрежных утверждений советских прокуроров. Так, немецкий 537-й полк связи армейской группы ошибочно именовался в советских документах «537-м строительным батальоном», оберст-лейтенант (подполковник) Аренс – «обер-лейтенантом Арнесом» и т.д.

Эти мелкие, на первый взгляд, ошибки и неточности дали основания членам трибунала от трех западных держав, вопреки протестам члена МВТ от СССР генерала-майора юстиции И.Т.Никитченко, не включать «катынский эпизод» из окончательного текста приговора. Однако такое исключение ни в коей мере **не означает**, как это демагогически пытаются утверждать сторонники польской версии, автоматического оправдания Германии или косвенного обвинения СССР в катынском преступлении. **Заметим, что ряд обвинительных эпизодов против нацистов также не был включен в окончательный тест Нюрнбергского приговора.** Однако сомнения в вине нацистской Германии по данным эпизодам никогда не возникали.

К сожалению, советское руководство не сделало должных

выводов из неудачи в Нюрнберге. Ситуацию в тот период можно было подкорректировать. В наличии были материальные свидетельства, подтверждающие советскую версию, и еще были живы многочисленные свидетели. Однако никаких дополнительных расследований катынской трагедии так и не последовало. Видимо, уверенность руководства СССР в том, что истина, изреченная «сверху», всесильна, оказала плохую услугу советской версии катынского преступления.

Спыхватились лишь в 1952 году. Тогда, в ответ на создание в США «комиссии Мэддена», в СССР была спешно организована Координационная комиссия по Катынскому делу при Министерстве иностранных дел. В 1952—53 гг. эта комиссия успела выполнить существенный объем работ. Но из-за отсутствия публикаций в открытой печати о результатах этой работы, эффект от деятельности комиссии оказался ничтожным. В 1953 г., после смерти Сталина и ареста группы Берия-Меркулова деятельность Координационной комиссии была прекращена. Основные материалы этой комиссии в российских архивах пока так и не удалось выявить.

В хрущевский период отношение к катынской теме стало сугубо прагматичным. Хрущев даже попытался разыграть катынскую карту в своей антисталинской кампании. В ноябре 1956 г. он предложил тогдашнему главе Польши Владиславу Гомулке объявить, что в катынском преступлении виноват Сталин. Но Гомулка решительно отказался. Возмож-

но, поэтому Хрущев впоследствии больше не захотел публично «светить» эту ставшую крайне «скользкой» тему. С тех пор тотальное замалчивание всего, что касалось Катыни, в СССР стало повсеместным

Хоть и известно, что молчание — «золото», но для советской версии катынского преступления такое «золото» оказалось губительным. Пользуясь отсутствием адекватной реакции со стороны руководства СССР и ПНР, польская эмиграция на Западе в послевоенный период издала ряд книг, в которых безапелляционно утверждалось, что преступление в Катыни совершили сотрудники НКВД.

Эту позицию в 1951—52 гг. поддержала уже упомянутая выше комиссия Палаты представителей американского Конгресса («комиссия Мэддена»), предпринявшая расследование катынского преступления исключительно в антисоветском направлении. В 1970 г. аналогичную позицию заняла английская палата лордов (Подробнее см. «Катынь. Расстрел... С. 441—442).

Подобная информация подпитывала уверенность польской общественности в том, что с катынским преступлением **«дело нечисто»**. Особенно, если учесть, что советская сторона по данному поводу хранила «гробовое молчание».

В начале 1980-х катынская тема и события 1939 г. заняли важное место в идеологической борьбе **«Солидарности»** против коммунистической власти Польши. Через несколько лет Катынь стала общепольской национальной проблемой,

на гребне которой **«Солидарность»** рвалась к власти. Продолжение замалчивания катынской темы и связанных с ней событий 1939 г. официальными властями Польши и СССР становилось нетерпимым.

Необходимо заметить, что советская официальная точка зрения на ситуацию 1939—1940 гг. была закреплена в так называемой исторической справке **«Фальсификаторы истории»** (1948 г.) Принудительное единомыслие, господствующее в странах соцлагеря до конца 1980-х годов предлагало только одну точку зрения, которая не давала ответ на ряд важных для граждан Польши и Прибалтики вопросов. Поэтому весьма популярной точкой зрения для многих стала другая, формируемая в разговоре за столом на кухне.

К сожалению, уход от всесторонней оценки острых конфликтных ситуаций продолжает доминировать и в официальной историографии современной России. Несмотря на то, что за последние годы выяснилась масса новых исторических подробностей и существенно изменились аргументы оппонентов, российские власти по ряду спорных исторических проблем (**«польская сентябрьская кампания» РККА 1939 г., «советская оккупация» Польши и Прибалтики и др.**) продолжают использовать **устаревшую аргументацию, не подозревая, что тем самым способствуют формированию в сопредельных государствах новых «качиньских» и «саакашвили».**

Более того, оценка многих спорных исторических ситуа-

ций, в основном, отдана на откуп **антисоветски настроенным историкам «необольшевистского» толка, для которых главное – полностью разрушить все представления о социалистическом обществе, а потом...** Российское руководство, занятое решением повседневных проблем, пока не сочло нужным уделить должное внимания спорным историческим проблемам.

Аналогичная ситуация сложилась к 1987 году и в польско-русских отношениях. Тогда по предложению главы польского государства генерала В.Ярузельского была создана двусторонняя комиссия историков СССР и Польши по вопросам истории отношений между двумя странами и, прежде всего, по катынскому вопросу. Однако по вине советской стороны, комиссия работала крайне медленно и неэффективно. **Это позволило польской стороне взять инициативу в свои руки.**

В результате в 1988 г. члены двусторонней комиссии польские историки Я.Мачишевский, Ч.Мадайчик, Р.Назаревич и М.Войцеховский провели так называемую **«научно-историческую экспертизу»** сообщения Специальной комиссии Н.Н.Бурденко, **в которой они признали выводы комиссии «несостоятельными»** (Катынь. Расстрел... С. 443). Никакой внятной реакции советских историков и официальных властей на польскую экспертизу не последовало. Это означало первую победу польской позиции в Катынском деле. Говорить после этого о выводах комиссии Н.Бурденко

считалось «плохим тоном».

Несколько ранее, в декабре 1987 г., в ЦК КПСС была направлена записка **«четырёх»** (Шеварнадзе, Яковлева, Медведева, Соколова) по катынскому вопросу в связи с намечаемой поездкой летом 1988 г. Горбачева в Польшу. Предлагалось обсудить записку на Политбюро ЦК КПСС 17 декабря 1987 г. и **«внести ясность в «Катынское дело»**. Однако по неизвестным причинам Горбачев вопрос с обсуждения снял. Об этой записке упоминает бывший консультант Международного отдела ЦК КПСС В. Александров в своем письме от 19 октября 1992 г. в Конституционный Суд по «делу КПСС» (Катынский синдром... С. 262).

Руководство ЦК КПСС вплоть до 1989 г. по поводу Катынского дела ограничивалось пропагандистскими заявлениями. Наиболее серьезным документом того времени стало постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1976 г. **«О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу»**, в котором предлагалось дать **«решиительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе»** (Катынь. Расстрел... С.571—572).

В советское время катынская тема была закрытой даже для членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Пытаясь сломать завесу секретности в катынском деле, заведующему Международным отделом и секретарю ЦК КПСС В.Фа-

лину в 1989 г. удалось добиться разрешения для историков Юрия Зори и Натальи Лебедевой работать в фондах закрытого Особого архива с документами Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД. Валентина Парсаданова, как член двусторонней советско-польской комиссии, уже работала в Особом архиве.

Ю.Зоря, получив возможность работать в фондах Особого архива, решил сравнить списки-предписания НКВД на конвоировании польских офицеров из Козельского лагеря с немецким эксгумационным списком, опубликованном в **«Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»** («Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни»).

В итоге он обнаружил совпадение фамилий при *«выборочном сравнении списков-предписаний на отправку пленных из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области и эксгумационных списков из Катыни в немецкой «Белой книге». Их очередность совпадала, что было весомым доказательством роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.»* (Катынский синдром... С. 290—291).

Другим доказательством вины советских органов госбезопасности в бессудном расстреле тысяч польских граждан стали документы конвойных войск об этапировании поляков поляков из Осташковского лагеря в распоряжение Калининского УНКВД. Историк Н.Лебедева утверждала, что эти документы позволяют утверждать, что польские военнопленные были расстреляны весной 1940 г.

На основании этих поспешных, косвенных и не вполне обоснованных утверждений (подробнее о версиях Зори и Лебедевой будет сказано ниже) заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.Фалин запиской от 23 февраля 1990 г. **«Дополнительные сведения о трагедии в Катыни»** сообщил М.Горбачеву о том, что советские историки обнаружили в фондах Особого архива, Центрального государственного архива Главного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции неизвестные документы и материалы о польских военнопленных. Они якобы позволили *«даже в отсутствии приказов об их расстреле и захоронении... сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни – дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова»* (Фалин. Конфликты. С. 346, Катынь. Расстрел. С. 579—580).

Записка Фалина и выводы историков во многом предопределили решение Горбачева о том, чтобы, без тщательного и всестороннего расследования обстоятельств Катынского дела, признать вину органов советской госбезопасности за массовое убийство польских военнопленных. Большое влияние на решение Горбачева оказало то, что весной 1990 г. в ходе подготовки официального визита в Советский Союз тогдашний руководитель Польши генерал В.Ярузельский поставил категорическое условие, **что он приедет в Москву, если будут названы виновники катынского преступления**.

ния («Przegląd» /«Обозрение»/ № 16 за 18.04.07).

Это условие было выполнено. 13 апреля 1990 г. в день встречи М.Горбачева и В.Ярузельского в газете **«Известия»**, без какого-либо судебного рассмотрения обстоятельств Катынского дела, появилось официальное **«Заявление ТАСС о катынской трагедии»** с признанием **«...непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных»** за гибель примерно 15 тысяч польских военнослужащих. В заявлении было подчеркнуто, что катынская трагедия: **«представляет одно из тяжких преступлений сталинизма»** («Известия», 13 апреля 1990 г.).

В.Ярузельскому был также передан **«корпус катынских документов из Особого архива»**, который включал список из 14.589 фамилий польских офицеров и военнопленных, содержащихся в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях зимой 1939—1940 г. Польская сторона к этому времени располагала так называемым **«Списком Мощиньского»**, состоящим из 9.888 фамилий. Многие фамилии из этого списка встречались в документах, переданных Горбачевым. В итоге поляки получили моральное право утверждать, что **все 14.589 поляков являются «жертвами Катыни»**.

В этой связи возникает вопрос о профессионализме или научной порядочности историков, работавших с польскими списками. В документах конвойных войск НКВД, этапиро-

вавших весной 1940 г. вышеуказанных 14.589 польских военнопленных, были четко указаны разные пункты назначения: Смоленское УНКВД, Калининское УНКВД и Харьковское УНКВД. Однако Заявление ТАСС было составлено таким образом, что местом гибели всех 14,5 тысяч польских военнопленных следовало считать Катынский лес. **Что это банальная ошибка в важнейшем документе или сознательная дезинформация?**

Кстати, Ярузельский получил списки, якобы расстрелянных польских офицеров со странной припиской, что, хотя распоряжения, позволяющие назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии, **не выявлены, но можно сделать вывод о том, что Катынь это дело рук НКВД.**

Подобная трактовка событий 1989—1990 гг., обусловивших появление заявления ТАСС, является несколько упрощенной. Ситуация вокруг Катынского дела в 1987—1990 гг. была намного сложнее. К сожалению, информация об этой ситуации пока циркулирует только на уровне слухов. С абсолютной уверенностью можно утверждать лишь то, что основную роль в этом процессе сыграли два обстоятельства. **Во-первых**, традиционно неопределенная и непоследовательная позицию Горбачева по катынской проблеме. **Во-вторых**, наличие в окружения Горбачева влиятельных партийных деятелей, крайне заинтересованных в скорейшем признании советской вины за Катынь.

Польско-советское катынское противостояние, еще до заявления ТАСС, можно было бы перевести в русло конструктивного советско-польского диалога, Это Горбачеву предлагали советские историки, работавшие в совместной Комиссии по сложным историческим вопросам. Но Горбачев как всегда выжидал, надеясь, что конфликт разрешится сам собой. Он и разрешился **прямым ультиматумом польской стороны**. Напомним, что большинство межгосударственных конфликтов при Горбачеве заканчивались аналогично.

Не случайно после развала СССР Горбачев **и в мемуарах, и в интервью избегает темы**, касающейся санкционирования им опубликования вышеупомянутого заявления ТАСС от 13 апреля 1990 г. о признании вины НКВД СССР за катынское преступление. К этому времени Горбачев, как он пишет в мемуарах **«Жизнь и реформы»**, знал только о документах из «закрытого пакета № 1». По его словам они **однозначно подтверждали версию комиссии Бурденко**.

Как юрист, Горбачев должен был понимать, что гипотез и рассуждений историков о вине НКВД за Катынь и упомянутого ультиматума Ярузельского, явно недостаточно для того, чтобы признать советскую вину. В крайнем случае, можно было сделать заявление ТАСС, в котором заявить, что СССР начинает новое официальное расследование катынской трагедии с привлечением польской стороны. Но этого не последовало.

Объясняют это тем, что, якобы в Заявлении ТАСС гово-

рилось **не о вине СССР, а об ответственности сталинизма**, которое нельзя отождествлять с Советским Союзом. Это наивная и глупая отговорка. Значение она имела лишь для Горбачева и его окружения, которое настаивало на такой формулировке заявления. Еще раз следует подчеркнуть, что подобное развитие событий в катынском противостоянии стало возможным вследствие того, что в окружении Горбачева в то время активно действовали люди, поставившие цель свести счеты с советской властью. Для этого достаточно прочитать воспоминания бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК, а в последние годы ярого антикоммуниста, Александра Яковлева.

Особо следует подчеркнуть, что в этот «смутный» для Катынского дела период публикацию подлинных архивных документов, подтверждающих версию комиссии Бурденко, начал **«военно-исторический журнал»**. Это была инициатива тогдашнего главного редактора журнала, генерала Виктора Ивановича Филатова. Корреспонденты «ВИЖ» провели журналистское расследование и опубликовали ряд воспоминаний важнейших свидетелей по Катынскому делу: Б.Тартаковского, Р.Свентека, Ф.Гаека и др. Материалы вызвали огромный интерес у советских читателей.

Они же вызвали негодование сотрудников польского посольства в Москве, к которым присоединился глава Советского государства Президент М.Горбачев. Он дал команду разобраться не с опубликованными в журнале свидетель-

ствами, а с редактором «ВИЖ» Филатовым.

Что же касается жертвы Горбачева в плане признания вины за Катынь, то она оказалась напрасной, как, впрочем, все, что он делал. Отношения с Польшей не улучшились. Наоборот, польское руководство получило прекрасную возможность усилить давление на СССР. Польша, имеющая перед СССР и Россией большие прегрешения, всегда занимала в исторических спорах активную наступательную позицию, которая обеспечивала ей преимущество в польско-советских, а впоследствии – польско-российских отношениях.

Наиболее объективно поведение польской стороны было изложено в записке (№ 06/2—223 от 29 мая 1990 г.) членов Политбюро ЦК КПСС А.Яковлева и Э.Шеварнадзе: **«О наших шагах в связи с польскими требованиями к Советскому Союзу»** (см. раздел Приложения).

В записке говорилось: «Польская сторона, освоившая за эти годы методику давления на нас по неудобным вопросам, выдвигает сейчас группу новых требований, нередко вздорных, и в совокупности неприемлемых. Министр иностранных дел К.Скубишевский в октябре 1989 г. поставил вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий и проживающим в настоящее время на территории Польши (по польским оценкам – 200—250 тыс. человек).

...Цель этих требований раскрыта в польской прессе –

списать таким способом задолженность Польши Советскому Союзу (5,3 млрд. руб.)».

Далее в записке А.Яковлев и Э.Шеварнадзе предлагали выдвижение встречных исков к Польше. Политбюро ЦК КПСС 4 июня 1990 г. согласилось с этими предложениями, но иски так и не были предъявлены, а **польский долг СССР в 1992 г. бесследно исчез.**

Следует подчеркнуть, что Горбачев дал указание признать вину сталинского руководства «за злодеяния в Катынском лесу» в самом начале официального расследования обстоятельств гибели польских офицеров, при отсутствии каких-либо выводов о виновниках преступления. Соответственно, **юридических оснований в апреле 1990 г. для признания советской вины за катынский расстрел не было.** Решение по Катыни Горбачев принял **чисто из политических соображений.** Но в дальнейшем это предопределило заданную направленность в работе советских прокуроров.

Начало расследования катынского преступления следует отнести к 22 марта 1990 года. Тогда прокуратура Харьковской области возбудила уголовное дела по факту обнаружения захоронений в лесопарковой зоне Харькова. Далее 6 июня 1990 года прокуратура Калининской области возбудила дело о судьбе польских военнопленных, содержащихся в Осташковском лагере и бесследно исчезнувших в мае 1940 года.

Вскоре эти дела были переданы в Главную военную прокуратуру (ГВП) СССР и 27 сентября 1990 г. оба дела были объединены в одно уголовное дело № 159 **«О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле-мае 1940 г.»**. Это и считается началом официального расследования катынского преступления. Следователи ГВП были ориентированы на **правовое оформление политического решения Горбачева** о виновности бывших руководителей СССР и НКВД. Делу следовало придать юридически законченную форму и закрыть за смертью обвиняемых.

Уже 17 мая 1991 года Генеральный прокурор СССР Н.Трубин информирует Президента СССР Михаила Горбачева о том, что: *«Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД»*.

Это свидетельствует о том, что тогдашний Генеральный прокурор СССР даже не удосужился ознакомиться с Положением об Особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел, опубликованном в **«Собрание узаконений СССР»** № 11, 1934 г. Не удосужились сделать этого и его сотрудники, занимавшиеся следствием. В то же время, согласно этому Положению, Особое совещание в 1940 г. не имело права приговаривать к высшей мере наказания – расстрелу. Такой поверхностный подход сопровождал след-

ствие по Катынскому делу вплоть до его завершения.

Заканчивалось письмо Трубина фразой: «...*Судя по поведению польской стороны, не исключено, что по окончании следствия правительством Польши будет поставлен вопрос о возмещении материального ущерба по каждому погибшему польскому военнослужащему*» («Военные архивы России», с. 166—167). Однако Михаила Сергеевича всегда больше волновали личные материальные интересы, нежели государственные. Поэтому заключительная информация Трубина осталась им незамеченной.

После развала Союза дело № 159 перешло в Главную военную прокуратуру России. Ранее данная политическая установка по катынскому делу теперь приобрела ярко выраженный антисоветский характер. Необходимо было на примере Катыни подтвердить **бесчеловечность** советского режима.

Основную работу по формированию концепции уголовного дела № 159 осуществила комиссия экспертов, работавшая при Главной военной прокуратуре России в 1992 – 1993 году под руководством академика Бориса Топорнина. В период работы комиссии экспертов произошло событие, кардинально изменившее ситуацию с Катынским делом. Якобы в Архиве Президента РФ 24 сентября 1992 года был обнаружен и вскрыт «закрытый пакет № 1» по Катыни с документами ЦК ВКП(б), НКВД и КГБ СССР, обвиняющие довоенное советское руководство в санкции на расстрел польских

военнопленных.

Найденные в пакете катынские документы, прежде всего, письмо Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г., одновременно являющимся решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и письмо Шелепина Хрущеву Н-632-ш от 3 марта 1959 г. «подтверждали», что расстрел польских военнопленных был осуществлен по указанию довоенного сталинского руководства. С этого момента Катынское дело приобрело совершенно иное звучание. Вина СССР в гибели 21 857 польских военнопленных **стала считаться абсолютно доказанной.**

Копии катынских документов с большим ажиотажем были предъявлены польской и российской общественности. После этого многие решили, что под запутанной и противоречивой историей Катынского дела **подведена окончательная черта.**

2 августа 1993 г. вышеназванная комиссия экспертов представила в ГВП Заключение, которое, по сути, представляло **немецко-польскую версию катынского преступления.** Эксперты ГВП безапелляционно заявили о доказанности безусловной вине предвоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных весной 1940 год. Сам расстрел был квалифицирован **«как геноцид»** и **«тягчайшее преступление против мира, человечества»** (Катынский синдром... С. 491—492).

Это заключение легло в основу постановления, которое 13

июля 1994 г. вынес руководитель следственной группы ГВП и Яблоков (Третьцкий к этому времени перешел на другую работу). В постановлении довоенные советские руководители, организаторы и исполнители расстрелов были признаны виновными. Этим же постановлением расследование уголовного дела № 159 прекращалось за смертью виновных.

Руководство ГВП, а затем и Генеральной прокуратуры РФ с указанной выше квалификацией катынского преступления не согласились. Постановление о прекращении уголовного дела № 159 от 13 июля 1994 г. было отменено и дальнейшее расследование было поручено другому прокурору.

В 1994 г. появились первые сведения о судьбе польских граждан, содержащихся в 1940 г. в тюрьмах Западной Украины. 5 мая 1994 г. зам. начальника Службы безопасности Украины генерал А.Хомич передал зам. генпрокурора Польши С.Снежко поименный алфавитный список 3435 заключенных тюрем западных областей УССР, чьи так называемые *«личные тюремные дела»* были в ноябре 1940 г. пересланы в Москву в 1-й Спецотдел НКВД СССР.

Список сразу же был опубликован в Польше, и стал условно именоваться **«украинским списком»**. Заметим, что в сопроводительном письме от 25 ноября 1940 г. за подписью начальника 1-го Спецотдела НКВД УССР старшего лейтенанта госбезопасности Цветухина, перечисленные в списке лица именуются «арестованными». Это косвенное свидетельство того, что в ноябре 1940 г. эти люди были еще живы.

Однако окончательная судьба бывших польских граждан из «украинского списка» не ясна, так как других документов, помимо списков переданных в Москву «личных тюремных дел», обнаружить не удалось.

Документы, позволяющие сформировать так называемый **«белорусский список»**, до сих пор не обнаружены. В марте 2010 г. в польских СМИ прошла информация о том, что, якобы Путин 7 апреля в Катыни передаст Туску «белорусский список». Но ожидания не оправдались.

21 сентября 2004 г., после 9 лет дополнительного расследования, уголовное дела № 159 было вновь прекращено. Большинство материалов по делу засекречено, вина довоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных подтверждена, однако было отвергнуто утверждение польской стороны **«о геноциде польского народа»**. Главная военная прокуратура РФ также не нашла оснований для признания граждан Польши репрессированными. Уголовное дело в отношении бывших советских руководителей, виновных в смерти польских военнопленных, было прекращено в связи с их смертью.

Польская сторона не согласилась с **«российской интерпретацией катынского преступления»**, прежде всего, в плане отрицания версии о **«геноциде польского народа»** и нежелания российской стороны признать расстрелянных поляков **«жертвами политических репрессий»**.

В марте 2005 г. польский Сейм принял резолюцию, в кото-

рой назвал катынское преступление *«бесчеловечным убийством военнопленных»* и реализацией совместного плана III рейха и Сталина по уничтожению польской элиты, а также самых достойных и патриотичных польских граждан». Резолюция была направлена российскому правительству с требованием признать *«геноцидом расстрел польских офицеров сотрудниками НКВД у деревни Катынь в Смоленской области в 1940 году»*. В официальном польском документе подобное требование появилось впервые (см. приложения).

Польша сложившуюся ситуацию пыталась использовать как повод для перевода катынской проблемы под юрисдикцию международного права. В этом активно участвовали польские родственники жертв катынского преступления, которые добивались признания расстрелянных польских офицеров жертвами политических репрессий и требовали их реабилитации. Иски польских родственников неоднократно рассматривались Бассманным судом и Мосгорсудом, но положительного решения в пользу польской стороны так и не было принято.

Противостояние российской судебной системы и польских родственников погибших в Катыни офицеров закончилось 29 января 2009 г. В этот день военная коллегия Верховного суда РФ признала **законным** прекращение уголовного дела о массовых убийствах пленных польских офицеров в 1940 г. Это решение Верховного суда открыло для поляков возможность обращения в Страсбург.

В конце **ноября 2009** года **Европейский суд по правам человека в Страсбурге** принял к рассмотрению иски семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в Катыни. Рассмотрению этих исков придан **приоритетный статус**. Теперь Россия ожидает вердикт европейского правосудия.

Видимо, в этой связи в 2010 г. в российской позиции по Катынскому делу произошли существенные изменения. Как отмечалось, в апреле российское руководство подтвердило «государственную оценку» катынского преступления, данную в 1990-е годы Горбачевым и Ельциным. Тогда же на Интернет-сайте Росархива появились электронные цветные сканы катынских документов из так называемого «закрытого пакета № 1» бывшего архива Политбюро ЦК КПСС.

21 апреля 2010 г. Верховный суд России удовлетворил жалобу общества «Мемориал» на отказ Московского городского суда признать незаконным засекречивание постановления Главной военной прокуратуры о прекращении расследования уголовного дела о расстреле польских военных в Катыни в 1940 г. В мае польской стороне были переданы первые 67 томов этого уголовного дела.

Напомним, что **польская сторона с 30 ноября 2004 г. ведет независимое от России расследование Катынского дела**. Им занимаются 16 прокуроров польского Института национальной памяти. Несомненно, полученные от России тома уголовного дела № 159 будут включены в поль-

ское следственное дело. Ну, а далее польская сторона поведет себя в соответствии с решением Европейского суда.

Российский президент Медведев 8 мая 2010 г. при передаче первых 67 томов уголовного дела № 159 и. о. президента Польши Коморовскому заявил, что расследование катынского преступления будет продолжено. Однако 31 мая 2010 г. Главный военный прокурор России Сергей Фридинский сообщил, что новое расследование уголовного дела № 159 не может быть начато в силу требований российского процессуального законодательства. Статья 193—17 УК РСФСР (1926 года), по которой было квалифицировано катынское преступление, предусматривает срок давности 10 лет. Он давно истек.

Одним словом, Катынское дело в очередной раз попало в капкан российского законодательства, с чем польская сторона вряд ли смирится. Одна надежда на то, что Президент в России, это Президент! В его силах внести через российский парламент изменения в процессуальное законодательство, позволяющие возобновить расследование уголовного дела № 159. Хотя после последних заявлений Медведева о безусловной вине сталинского руководства за Катынь, надежды на продолжение расследования катынской трагедии исчезли.

В этой ситуации Польша пока ждет решения Европейского суда по правам человека. Однако российские политики после визита Медведева в Польшу еще больше уверовали в

«перезагрузку» польско-российских отношений и преодоление катынского противостояния. Но, видимо, это не вполне оправданные ожидания. Для этого достаточно проанализировать ситуацию, складывающуюся в Польше после визита Медведева.

Поляки в декабре 2010 г. весьма благожелательно приняли российского президента. Аналогично в Варшаве принимали Генерального секретаря ЦК КПСС М.Горбачева, а в августе 1993 г. – президента России Б.Ельцина. Однако после «теплых» встреч поляки предъявили СССР, а впоследствии и России ряд претензий.

Заметим, что в декабре 2010 г. польский президент Коморовский демонстрировал Дмитрию Медведеву президенту полное взаимопонимание. Коморовский даже заявил **о конце застоя в польско-российских отношениях**. Однако, распрощавшись с Медведевым, он вылетел в Вашингтон. Там, во время беседы с президентом США Бараком Обамой польский президент заявил, что Польша **не готова к «перезагрузке»** отношений с Россией. *«Когда живешь бок о бок с кем-то на протяжении тысячи лет, невозможно перестроить все прошлые отношения одним нажатием кнопки «перезагрузка». Мы не готовы полностью перезагрузить и стереть тысячу лет беспокойных отношений с россиянами».*

По мнению Коморовского, отношения с Россией следует строить по принципу **«доверяй, но проверяй»**. Польша не

должна сразу *«входить в глубокую воду, не зная, есть ли там необходимое количество воды»*. Свои заявления Коморовский подтвердил действиями. Известно, что в ходе переговоров президентов Польши и США были достигнуты договоренности о том, что в Польше будет **развернута американо-европейская ПРО**. Это явно антироссийский шаг. Однако, видимо, наших польских «друзей» мнение России по поводу размещения американских антиракет в Польше не очень волнует. После таких польских сюрпризов России следует серьезно подумать, а какую неожиданность Польша может преподнести в дальнейшем?

Следует также иметь в виду, что Польша это не только сторонники Туска и Коморовского, доброжелательно принимавшие Медведева. Почти половина поляков поддерживает Ярослава Качиньского. 8 декабря 2010 г. он на пресс-конференции так заявил, что в ходе визита российского президента *«польская сторона не получила ясного ответа относительно позиции российского государства, представленной в Европейский суд по правам человека»*.

Качиньский имел в виду противоречие между политической оценкой катынского преступления, провозглашаемой российском руководством и правовой, изложенной в ответе российского Минюста в Страсбург. Об этом следует рассказать подробнее. Это противоречие может стать поводов для нового обострения польско-российских отношений.

Как известно, Россия на высшем политическом уровне

признала ответственность сталинского руководства за гибель 21.857 польских граждан. Однако, российский Минюст в марте и октябре 2010 г., отвечая на иски польских родственников катынских жертв, рассматриваемые Европейским судом, сообщил, что российским *«следствием достоверно установлена гибель в результате исполнения решений «тройки» 1803 польских военнопленных, установлена личность 22 из них».*

Действия *«конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР»*, которые обусловили гибель этих польских военнопленных, были квалифицированы следствием *«по п. «б» ст. 193—17 УК РСФСР (1926 г.), как превышение власти, имевшее тяжёлые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств. 21.09.2004 г. уголовное дело в их отношении прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за смертью виновных».* Помимо этого Минюст РФ в своих ответах квалифицировал катынскую трагедию не как **«преступление»**, а как **«событие»**, что вызвало бурю негодования в Польше.

Выводы российского следствия по Катынскому уголовному делу № 159 позволяют утверждать, что с правовой точки зрения возлагать на сталинское руководство ответственность за гибель 21.857 польских граждан не правомерно. В итоге противоречие между правовой и политической оценками катынского преступления ставит Россию в положение известной унтер-офицерской вдовы.

Польские журналисты моментально уловили суть противоречия и накануне визита Медведева в Польшу задали ему вопрос по этому поводу. Ответ Дмитрия Анатольевича на этот вопрос чем-то напомнил ответы Горбачева на неудобные вопросы: *«Честно говоря, я даже не очень понимаю, о какой позиции Вы говорите, что это за позиция и кто ее выражал. Что касается политических оценок, то они все мною даны. И Вы знаете, о чем я говорил».*

Прежде всего, странно, что президенту неизвестна официальная российская позиция, заявленная в Европейский суд по правам человека. Напомним, что глава российского МИДа Сергей Лавров 2 сентября 2019 г., будучи в Варшаве, заявил, что *«вопросом Катынского следствия занимается лично президент Дмитрий Медведев».* Ответ в Страсбург Минюст давал в октябре 2010 г. Получается, что российский Минюст не поставил президента в известность о направляемой в Страсбург официальной позиции России по Катыни?!

Помимо этого, очевидно, что в правовом государстве, которым, согласно Конституции, является Россия, при оценке преступлений не может быть **верховенства** политической оценки над правовой. В противном случае **это возвращает Россию в сталинские времена, когда политическая оценка преступлений была довлеющей.** В годы перестройки этот подход вновь реанимировал Горбачев. Тогда, без всякого расследования, исходя только из политической

целесообразности, СССР признал вину за Катынь. К сожалению, ситуация апреля 1990 г. с сугубо политической оценкой Катыни повторилась в апреле и ноябре 2010 г.

Вызывает удивление, что президент при оценке следствия по Катынскому делу не применил критерии, которые он сам же сформулировал в отношении следствия по катастрофе самолета Леха Качиньского под Смоленском. Отвечая на вопрос относительно расследования этой катастрофы, Медведев на пресс-конференции в Варшаве заявил, что *«по всякому уголовному делу должно пройти полноценное следствие, базирующееся на исследовании соответствующих доказательств»*. К этому он добавил, что *«следователи должны досконально провести все следственные действия, все необходимые процедуры. Только в этом случае мы можем рассчитывать на объективность»*.

Согласно этим критериям, с правовой точки российское следствие по уголовному делу № 159 зрения никак нельзя назвать полноценным. Но, видимо, считается, что политическая оценка Катыни в таких критериях не нуждается. Однако, не следует забывать, что Польша не оставит проблеме двойственной оценки катынской трагедии. И, хотя в декабре в Варшаве поляки предпочли пока не акцентировать проблему противоречивости российской оценки катынского преступления, но в будущем эта тема несомненно «всплывет».

С учетом вышеизложенного, необходимость в объектив-

ном и непредвзятом анализе основных аспектов и событий Катынского дела становится крайне актуальной. В нашем исследовании внимание будет сосредоточено **на пяти основных событиях катынской эпопеи.**

Это: геббельсовская пропагандистская кампания 1943 года по поводу обнаружения массовых захоронений польских военнопленных в Козьих Горах-Катыни; немецкая эксгумация этих захоронений в том же 1943 г., научно-историческая экспертиза Сообщения Специальной комиссии Н.Бурденко 1944 г., осуществленная в 1988 г. польскими историками; обнаружение в декабре 1991 г. и в сентябре 1992 г. документов Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД-КГБ СССР из «особого пакета № 1» и 14-летнее расследование Главной военной прокуратурой РФ уголовного дела № 159 «**О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле – мае 1940 г.**». Рассмотрим их подробнее.

Дело Геббельса живет и процветает

Особый интерес представляют обстоятельства развертывания нацистами пропагандистской кампании по поводу захоронений польских офицеров в Козьих Горах в Катынском лесу. В известных публикациях российских историков им уделено крайне мало внимания. А они вызывают не только вопросы. Реальные обстоятельства обнаружения катынских захоронений позволили бы уяснить ряд туманных аспектов Катынского дела.

Эта тема была рассмотрена российским публицистом и писателем Владимиром Бушиным в статье **«Преклоним колена, пани...»**, опубликованной в минской газете «Мы и время» (№ 27—28. Июль 1993 г.). В.Бушин особо акцентирует высказывания главного нацистского пропагандиста «катынского дела» Й.Геббельса. Они позволяют понять технологию рождения «катынского дела».

18 апреля 1943 г. министр имперской пропаганды III рейха Геббельс утверждал, что Катынское дело «идет почти по программе» (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29). Не означает ли это, что в деле с самого начала все было запрограммировано? На эту мысль наводят, в частности, и сами обстоятельства выявления катынских захоронений.

В немецкой версии утверждается, что весной или летом 1942 г., местный житель Парфен Киселев, показал катын-

ские могилы полякам из организации Тодта, привезенным на строительные работы в Смоленск. Те, выяснив, что в могилах захоронены расстрелянные польские офицеры, поставили березовые кресты и доложили немецкому командованию. Но немцы, якобы тогда не проявили к этой находке никакого интереса (Катынь. Расстрел... С. 422).

Тот же П.Киселев на допросе в немецкой секретной полевой полиции 28 февраля 1943 г. утверждал, что весной 1942 г. он пошел в катынский лес, где обнаружил несколько холмов, под которыми, по его мнению, были захоронены польские офицеры (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 26).

В отчете секретаря немецкой полевой полиции Людвиг Фосса (Voss), врученного судье доктору Конраду говорилось, что *«Первое известие о массовых могилах в Катыни мы получили в феврале 1943 г. В катынском лесу были обнаружены холмики, которые при внимательном обследовании оказались делом рук человеческих».*

Однако Юзеф Мацкевич, польский журналист из Вильнюса, в своей книге **«Катынь»** утверждал, что в 1943 г. в Козьих горах (Косогорах) холмов на месте захоронений **не было**: *«Показания свидетелей о том, что Косогоры давно служили местом расстрелов, было легко проверить. Поэтому немцы распорядились раскопать указанные места. Было обнаружено 11 могил, вернее рвов, поверхность которых давно слилась с поверхностью леса»* (Мацкевич. Катынь. Гла-

ва 13).

Это подтвердил и Фердинанд Гетль, председатель польского Общества писателей и журналистов, находившийся в составе первой польской делегации, вылетевшей из Варшавы в Смоленск 11 апреля 1943 года и побывший в Козьих Горах 12 апреля. В своем отчете он пишет, что: *«мы... быстро научились распознавать еще не вскрытые могилы. Края их были несколько запавшими, поверхность неровной, к тому же повсюду на них были высажены маленькие сосенки, несомненно специально здесь помещенные»* (Цитируется по книге В.Абаринова «Катынский лабиринт»).

Налицо явное противоречие. Киселев и Фосс утверждают, что на месте захоронений были холмики, а Мацкевич и Гетль – что практически ровное место. Если учесть, что буквально через год, земля на месте захоронений оседает, то, согласно Киселеву и Фоссу получается, что могилы в Козьих Горах были относительно свежие. Мацкевич и Гетль настаивали на другом. В этой связи приведем еще одно свидетельство, несколько проясняющего ситуацию.

Особого внимания заслуживает свидетельство Теофила Рубасиньского (Teofil Rubasiński). Он считается в Польше первооткрывателем катынских могил (<http://www.polskatimes.pl/stronaglowna/242209,to-ja-odkrylem-groby-w-katyniu,id,t.html>). Его свидетельство расценивается, как важнейшее подтверждение расстрела польских военнопленных сотрудниками НКВД в Катынском ле-

су.

В 1941—42 гг. Рубасиньский служил кузнецом в немецком ремонтно-восстановительном поезде № 2005 («Bauzug 2005»), дислоцировавшемся в Смоленской области недалеко от станции Гнездово. По рассказу Рубасиньского в конце марта 1942 г. к работавшим в поезде полякам подошла местная полька и сообщила, что в Козьих Горах захоронены три с половиной тысячи расстрелянных польских офицеров. В качестве доказательства своей правоты женщина принесла полякам офицерскую фуражку подпоручика пехоты по фамилии Качмарек (Kaczmarek) из города Владимира-Волынского.

Якобы тот с криком «*Jeszcze Polska nie zginęła!*» выбросил ее в момент пересадки из поезда в машину. НКВД искало фуражку, но местные жители ее спрятали и отдали польке.

Фуражку поляки отдали начальнику поезда немцу Заунеру, который вскоре сообщил им, что Советы возили из Гнездово поляков на расстрел в Козьи Горы. Однако **не все поляки поверили этой информации**. В ближайший выходной день Рубасиньский с Зигфридом Муселяком (Zygfryd Musielak) и Яном Ваховяком (Jan Wachowiak) отправились искать трупы расстрелянных польских офицеров. Указанная женщиной территория была огорожена, но они сумели проникнуть внутрь и сразу же обнаружили хорошо заметную четырехугольную **насыпь**, оказавшуюся братской могилой. В ней на небольшой глубине лежали трупы, но не в польских,

а в **румынских, эстонских и литовских** мундирах.

На обратном пути Рубасиньский с друзьями встретили местного жителя Парфена Киселева, который за сигарету показал им **«польскую»** могилу, находившуюся на той же огороженной территории примерно в 800 метрах от первой братской могилы. Она была больше первой по площади и также **заметно возвышалась** над окружающей местностью. Земля была еще мерзлой и буквально после пары ударов киркой показались тела польского майора и капитана. Вид у них был страшный, но мундиры и знаки различия на трупах польских офицеров были «в очень хорошем состоянии». (To był straszny widok. Mundury i dystynkcje zachowały się jednak w bardzo dobrym stanie).

Рубасиньский с товарищами над обнаруженным польском захоронением установили березовый крест, потом другой. Рубасиньский убежден, что поляков расстреляли Советы. Однако, по свидетельству немецкого полковника Аренса, которое приводится ниже, березовый крест в Козьих горах находился не на небольшом возвышении, как утверждает Рубасиньский, а на «кургане». Этот крест Аренс видел не в марте 1942 года, а в конце 1941 года, когда земля покрылась снегом. В этом случае возникает вопрос, кем, когда и где был установлен крест, который видел Аренс? И можно ли утверждать, что захоронения, выявленные Рубасиньским, были вскрыты немцами в 1943 г.?

Отметим также, что согласно немецким **«Amtliches**

Material...» захоронения в Козьих Горах были **тщательно замаскированы** сотрудниками НКВД, для чего их поверхность **сровнена** с окружающей местностью, а на самих могилах посажены молодые хвойные деревца. Возникает вопрос: **если захоронения не возвышались над поверхностью и были замаскированы, то какие захоронения открыл Рубасиньский весной 1942 г., если он говорит о хорошо заметных возвышениях?**

Весной 1942 г. мундиры на трупах, обнаруженных Рубасиньским, были **в отличном состоянии**. Что же касается их страшного вида, то специалисты говорят, что даже месяца с небольшим достаточно для того, чтобы покойник, захороненный без гроба, внушал ужас. Эти признаки в большей степени свидетельствуют о том, что захоронения, найденные Рубасиньским были достаточно свежими. Но, оставим оценки экспертам.

Как видим свидетельство Рубасиньского неоднозначно. Тем не менее, оно, казалось бы, безоговорочно обвиняет НКВД. Особенно ситуация с фуражкой подпоручика Качмарек, которую искали НКВДисты. Но эта фуражка в 1942 году почему-то **убедила не всех** поляков, работавших в немецком поезде. **видимо, кто-то из поляков знал, что Рубасиньский одно время носил фамилию Кочмарек.** Весьма странное совпадение в ситуации, которую описывает Рубачиньский. Одним словом, со свидетельством Рубачиньского, не все так просто, как кажется.

Достаточно странной представляется и реакция немца, непосредственного начальника поляков из «**Bauzyg 2005**», заинтересовавшегося беседой своих подчиненных с неизвестной местной жительницей. Услышав про расстрелянных вблизи Гнездово польских офицеров, он не стал вдаваться в подробности, а сразу же поспешил успокоить своих коллег-поляков: *«Ваши офицеры сидят в немецких офлагах и вернутся домой, когда кончится война».*

Отметим также, что по утверждению Рубасиньского группы польских офицеров были присыпаны лишь **небольшим слоем земли**. Напомним, что рядом с захоронениями поляков находилась госдача НКВД, в которой по утверждению бывшего сотрудника Калининского УНКВД Петра Климова *«в то время, когда был расстрел поляков, и после этого здесь, в Смоленске, в Козьих горах, бывали Каганович Л.М., Шверник, еще помню, глушили на Днепре рыбу. Отдыхал в Козьих горах еще Ворошилов К.Е.»* (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 111).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.